A 259
920

2007237581

„НОВОЕ ГЕТТО“

Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

СОЧИНЕНІЕ

Теодора Герцля.

Съ портретами Макса Нордау и Т. Герцля.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Я. Х. ШЕРМАНА.

ОДЕССА.
„Книгоиздат.“ типографія Я. Х. Шермана, Рип. № 28.
1898.

Въ книжныхъ магазинахъ
Я. Х. ШЕРМАНА
Въ Одессѣ.

1-й—Ришельевская, № 28. 2-й—Ришельевская, № 33

продаются между прочими слѣдующія книги:

Аргентинскій альбомъ съ портретами ба-на Гирша и Фейнберга, ц. 20 к.
Абрамовичъ, М. Стихотворенія. Спб. 89 г., им. 1 р. 50 к.—60 к.
Бавилевскій, М. Трактатъ Баба Кама, текстъ рейскій съ русскимъ. 4 выпуска, ц. р. съ пересылкой
— Вліяніе монотеизма на развитіе зна-, ц. вм. 1 р. 25 к.—60 к.
— Донъ-Хасдаи Крескасъ и Спиноза, торико-философскій этюдъ, ц. 30 к.
Балуцкій. Еврейка, повѣсть послѣднихъ тъ. Переводъ съ польскаго. М. 88 г. вм. 1 р.—70 к,
Байронъ въ перевод. Алеко. Спб., ц. 75 к. а 40 к.
Баскинъ. На распутьи. Драма въ 5 дѣй-віяхъ и 6 картинахъ (изъ еврейскаго та) Спб. 80 г., ц. вм. 1 р.—40 коп.
Германъ, В. Сіонъ, еврейскій палестинскій рникъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Гекъ С. и М. Браннъ. Еврейская исторія конца библейскаго періода до насто-аго времени. Переработалъ и допол-нилъ С. М. Дубновъ, въ 2-хъ томахъ, ц. 50 к,
Генъ-Ами. Собраніе разсказовъ и очер-ковъ. Ц. 1 р. 25 к.
Гайнтрауба, Л. Поваренная книжка для всѣхъ, болѣе 400 блюдъ, изготовляе-мыхъ по обрядамъ еврейской вѣры. Ц. к., въ изящн. перепл. 1. 50 к. (съ перес.)
Гершавскій. Талмудическая мораль или ученіе о благонравіи. ц. 60 к.—за 45 к.
Двенадцативѣковыя предразсудки. Перев. съ франц. Дубелира. Ц. 45 к.
Герцберг, В. Танжерская дѣва. (Быль). Ц. коп.
Г., Г. Н. Софія Маличъ (между старымъ новымъ). Романъ въ 4 част., ц. 1. 50 к. а 75 коп.
Гиндлеръ, М. Систематическая русская ука и книга для чтенія, изд. 2-е. Ц. коп.
Глубовъ, М. Н. Учебникъ древне-еврейск. ка. Варшава 1895 г., ц. вм. 1 р. 50 к.—уб.
Гретцъ, проф. Исторія евреевъ отъ Май-ида до перваго изгнанія евреевъ изъ анціи. Ц., вм. 3 р.—1 р. 50 к.
Гретцъ, Г. Профессоръ. Исторія евреевъ начала мендельсоновской эпохи до йшаго времени (1750—1848 г.), ц. 3 р. к.—за 3 р.
Грифельдъ, М. Г. Русское чтеніе для ев-скихъ дѣтей, 6-е изд., ц. 40 к. (съ удо-біями). Книгопр. 25 проц.
Гржана. Полный вѣчный календарь ста-го и новаго стилей, 2-ое изд., ц. 30 к. 15 к.
Гульдфадена. Ни-бе, ни-ме, ни-кукерику, ед. въ 4-хъ дѣйст. (либрето) ц. вмѣсто коп.

Гермайзе. Краткая библейская исторія от сотворенія міра до періода первыхъ ц рей, ц. вм. 30 к.—15 к.
Добрынинъ. Нейсъ Паша и его консорты Мозаики и проч. изъ любопытныхъ раз копокъ въ трущобахъ Святой земли Спб., ц. вм. 1 руб.—80 к.
Конопницкая М. Мендель Гданскій—Раз М., ц. 5 к.
Комперть. Ходебщикъ—раз. Спб. Ц. 15 к
Захеръ-Мазохъ. Еврейскія разсказы, ц. 1 р —за 60 коп.
Ковнеръ, С. д-ръ. Спиноза, его жизнь и со чиненія. Очеркъ съ прибавленіемъ но вѣйшей критики и портретовъ Спинозы автора С. Г. Ковнера. 2-ое [посмертное изд. Варшава 1897 г., ц. 75 коп.
Константиновскій. Мое личное пребываніе въ Аргентинѣ, ц. 20 к.
Короленко, В. Судный день, сказка. Ц. 5 к
Кисляковъ. Палестина и Америка—за 5 к
Кассель, Л. Пр ф. [проповѣдникъ при церкви І. Христа въ Берлинѣ]. Разборъ современнаго еврейскаго вопроса [про тивъ проф. Трейчке] переводъ съ 7-го нѣмецк. изданія. Ц. 15 к.
Клячко, Л. Р. Руководство къ Библі (талмудъ тора). Доп. Уч. Ком. М. Н. П 3-ое изд., ц. 40 к.
— Ключъ къ „Талмудъ тора“ (дослов ный русск. перев.) Ц. 20 к.
— Первый годъ обученія Закону Бо жію. Одоб. У. К. М. Н. П., 4-е изд. Ц. 20 к
— Второй годъ обученія закону Божію 1) Молитвен. отдѣлъ. Ц. 20 к. 2) Катехи зисъ. Ц. 20 к. Одоб. Учен. Ком. М. Н. П
— „О еврейскомъ актѣ религіознаго совершеннолѣтія“ Доп. Уч. Ком. М. Н. П Ц. 20 коп.
— Практическій методъ для изученія древне-еврейскаго языка въ 3-хъ отдѣ лахъ. Доп. У. К. М. Н. П., 3-е изд. Ц. 40 к
— „Руководство къ изученію религіоз ныхъ обрядовъ и обычаевъ“. Одоб. У. К М. Н. П. для всѣхъ учеби. завед. Ц. 45 к
Крижановскій, В. И. Месть Еврея, романъ въ 2-хъ част. Спб. Ч. 1 р. 50 к.—за 60 к
Левандъ. Горячее время. Ром., Спб. 82 Ц. вм. 1 р. 50 к.—1 р. 20 к.
Его-же. Виленская жизнь. Вильна 78 г. ц. вм. 50 к.—30 к.
Льюисъ, Дж. Жизнь и ученія Спинозы Перев. съ англійск. Спб. 1895 г. Ц. 25 к
Леви Эли. Рубенъ Саксъ, романъ изъ жизни лондонскихъ евреевъ, Спб. Ц. 75 к
Линовскій, Н. О- Еврейскіе силуэты. Но вѣсти, очерки и разсказы. Спб. 84 г., ц вм. 1 р.—40 к.
Лившицъ, Г. Г. Исповѣдь преступника Юмористич. разсказъ изъ жизни евреевъ Ц. вм. 60 к.—45 к.
Лапина—Настоящее и будущее еврейско колонизаціи въ Аргентинѣ. Спб. 94

А 259/920

„НОВОЕ ГЕТТО“

Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

СОЧИНЕНІЕ

Теодора Герцля.

ПОСВЯЩЕНА

МАКСУ НОРДАУ.

Съ портретами Макса Нордау и Т. Герцля.

Библиотека
ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Я. Х. ШЕРМАНА.

ОДЕССА.
„Книгоиздат.“ типографія Я. Х. Шермана, Ришельевская, № 28.
1898.

Дѣйствующія лица:

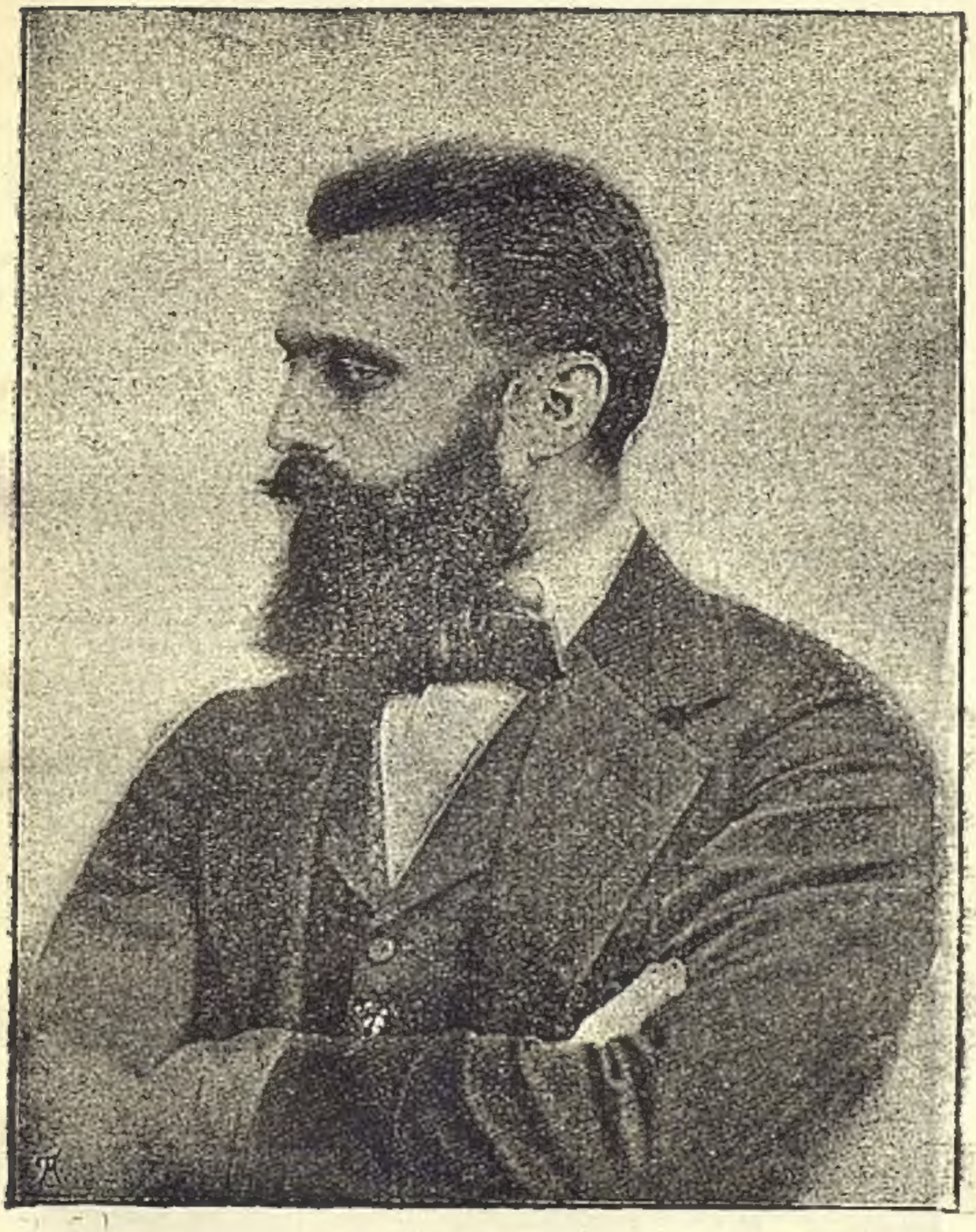
Гельманъ.
Г-жа Гельманъ.
Шарлотта Рейнбергъ. } ихъ дочери.
Гермина Самуель. }
Гамуель.
Г-жа Самуель
Д-ръ Яковъ Самуель.
Рейнбергъ.
Вассерштейнъ.
Д-ръ Фридгеймеръ.

Ротмистръ фонъ-Шроммъ.
Д-ръ Бихлеръ.
Д-ръ Францъ Вулернеръ.
Петръ Ведникъ.
Стряпчій.
Ваби.
Кати.
Рези.
Слуга.

Мѣсто дѣйствія: Вѣна. Годъ 1893.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ВОЗВРАЩЕНО

Дозволено цензурою. — Кіевъ, 2-го мая 1898 года.



Д-ръ Т. Герцль.

Д-ръ Максъ Нордау.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Салонъ, убранный во вкусѣ конца семидесятыхъ годовъ. Благодаря позолотѣ, все ярко блеститъ. Главный ходъ справа. Въ глубинѣ сцены, посрединѣ, открытая дверь на длинный и узкій балконъ. Слѣва широкая дверь въ столовую: видна часть буфета. Слѣва на авансценѣ еще одна открытая дверь. Всюду свадебные подарки и цвѣты.

1-я СЦЕНА.

Кати, Ваби, Рези, позже **Бихлеръ.**

Кати (*выглядываетъ на улицу, перевѣсившись чрезъ перила балкона*).

Ваби (*кричитъ изъ комнаты*). Уже видно?

Кати. Ни слѣда.

Рези (*сидитъ*). Раввинъ, очевидно, не спѣшитъ. У богатыхъ людей долгая свадьба.

Ваби. Да, богатые. Какіе они всѣ имѣютъ брилліанты. Словно булыжники.

Рези. Они же всѣ евреи.

Кати. Ну, госпожа Рези, вы устроились довольно удобно?

Рези. Мнѣ же нечего варить (*дѣлаетъ презрительный жестъ рукою*). Все заказано готовымъ.

Кати (*садится рядомъ съ ней*). А какъ красива была ша барышня Гермина въ своемъ платьѣ изъ бѣлаго шелка.

Ваби [*также садится*]. Мнѣ нравится женихъ.

Рези. Ну, оставьте. Еврей! Съ такимъ носомъ!

Ваби. Но онъ, госпожа Рези, чистоплотный все таки.

Кати. И привѣтливый, добрый господинъ. Я знаю его.

Бихлеръ [*входитъ и останавливается улыбаясь*]. Здраавствуйте, сударыни.

Кати и Ваби [*вскакиваютъ съ визгомъ и растерянно*]. Іисусе, господинъ докторъ!

Рези (*подымается медленно*). Цѣлую руку!

Бихлеръ. Ну, какъ дѣла, г-жа Рези?

Рези. Ноги слабыя. Ну да, цѣлый день на ногахъ въ кухнѣ.

Бихлеръ. Я вамъ пропишу салициловый натръ.

Рези. Цѣлую руку, господинъ докторъ! (*уходитъ налѣво*).

Бихлеръ (*вынимаетъ свои часы*). Поздравленія въ три часа. Развѣ никто еще не вернулся изъ синагоги?

Ваби. Нѣтъ, господинъ докторъ!

Бихлеръ. Принесли ли уже мой подарокъ?

Кати. Что это было, господинъ докторъ?

Бихлеръ. Фарфоровая ваза, въ старо-вѣнскомъ стилѣ.

Кати. Всѣ фарфоровыя вещи стоятъ тамъ.

Бихлеръ. Покажите мнѣ ихъ [*уходитъ налѣво, за нимъ Кати*].

2-я СЦЕНА.

Вассерштейнъ, Ваби.

Вассерштейнъ (*справа, въ поношенномъ, но чистомъ и опрятномъ костюмѣ; его вылаженный наново цилиндръ покрытъ жиромъ*). Здравствуйте! Господъ еще нѣтъ?

Ваби. Нѣтъ. Что вамъ угодно?

Вассерштейнъ. Что значитъ, что мнѣ угодно? Мнѣ угодно поздравить... Я поздравитель... Моя фамилія Вассерштейнъ.

Ваби. Послѣ, подождите немного.

Вассерштейнъ [*осматривается вокругъ, про себя*]. Шикарно! (*вздыхаетъ*). Благородно!.. (*ходитъ по комнатѣ и осматриваетъ все, словно оцѣнщикъ*). Элегантно!.. Хотя и не ново. За этотъ гарнитуръ даю я сегодня же восемьсотъ гульденовъ—скажемъ: семьсотъ пятьдесятъ. Этого онъ стоитъ... (*вздыхаетъ*). А мнѣ не везетъ!... [*осматриваетъ драпри*]. Превосходнаго качества!

Ваби (*слѣдитъ за нимъ недовѣрчиво и ходитъ за нимъ шага на три сзади*).

Вассерштейнъ [*внезапно замѣчаетъ это, про себя*]. Ахъ, такъ! Она не имѣетъ никакого довѣрія ко мнѣ... (*вздыхаетъ*). Какъ ты выглядишь, Вассерштейнъ? Какъ

ты низко опустился?.. (*Беретъ себѣ стулъ*). Вы все же позволите, барышня? Я поздравитель... (*замѣчаетъ столъ со свадебными подарками*). Ага, это свадебные подарки? Не такъ ли, барышня?

Вави (*весьма недовѣрчиво*). Да, конечно.

Вассерштейнъ (*подходитъ къ столу*). Великолѣпно!.. А я неудачникъ!

Вави (*стоитъ рядомъ съ нимъ*).

Вассерштейнъ. Украшенія для стола! Сервизъ— иссее! —для двадцати четырехъ персонъ! А эти канделябры! Массивные! Серебро все таки красиво, хотя и дешево! (*беретъ одинъ канделябръ въ руки*).

Вави. Пусть стоитъ!

Вассерштейнъ [*улыбаясь*]. Что за отношеніе ко мнѣ, милое дитя? Я, вѣдь, поздравитель.

Вави. Все равно. Поставьте на мѣсто! (*хочетъ схватить его за руку*].

Вассерштейнъ. Если вы меня просите столь любезно... Извольте. Но посмотрѣть мнѣ можно? Глазами я же ничего не унесу, милое дитя? (*кладетъ руки на спину и нагибается надъ столомъ*).

3-я СЦЕНА.

Прежніе, **Бихлеръ**.

Бихлеръ *[входитъ сзади]*. Все настоящее, господинъ Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (*изумленный*). Господинъ докторъ! Имѣю честь, господинъ докторъ! Вы узнаете меня?

Бихлеръ. Удивительный вопросъ!

Вассерштейнъ. Ахъ, Боже мой, человѣка, которому не везетъ, узнаютъ только немногіе... Разомъ всѣ становятся близорукими—эпидемическая болѣзнь глазъ. Я переношу теперь подобную эпидемію.

Бихлеръ (*садится*). Не присѣсть ли намъ?

Вассерштейнъ. Охотно [*къ Вави*]. Вы видите, милое дитя, я дѣйствительно поздравитель... (*къ Бихлеру*). Она не имѣла ко мнѣ никакого довѣрія [*садится*].

Бихлеръ [*смѣется*]. Я ручаюсь за этого господина.

Вави [*смущенно*]. Я же не могла этого знать [*уходитъ налѣво*].

Бихлеръ. Такъ партеръ, мой милый?

Вассерштейнъ. Партеръ? Скажите лучше: подвальный этажъ. Что еще ниже подвальнаго этажа? Подпочвенныя воды? Такъ я теперь — въ подпочвенныхъ водахъ.

Бихлеръ. Все проиграли на биржѣ?

Вассерштейнъ. Я платилъ, пока я могъ. Потомъ...

Бихлеръ. Вы перестали играть?

Вассерштейнъ. Что вамъ приходитъ въ голову? Я имѣлъ еще долги и вынужденъ былъ оставить биржу.

Бихлеръ. Печально! Что же вы теперь дѣлаете?

Вассерштейнъ. Я хожу на биржу.

Бихлеръ. Ага, въ наружныхъ корридорахъ...

Вассерштейнъ. Нѣтъ, во внутрь. Рейнбергъ, зять Гельмана, помогъ мнѣ свести счеты—[*вздыхая*]—за дешевую цѣну... Я теперь его агентъ... Я сегодня пришелъ сюда только потому, что долженъ ему сообщить послѣдніе курсы—иначе... Иначе я развѣ былъ бы въ этомъ домѣ?

Бихлеръ. Почему?

Вассерштейнъ. Да, вы же не знаете, что я—я! — хотѣлъ жениться на мадемуазель Германѣ и долженъ былъ!

Бихлеръ. Ба!

Вассерштейнъ. Какъ вы меня видите. Это значитъ; не такой, какимъ вы меня теперь видите, но какимъ я былъ годъ назадъ, когда этотъ костюмъ былъ еще новымъ. Она и причина моей гибели.

Бихлеръ. Кто? Мадемуазель Германа?

Вассерштейнъ. Конечно. Чтобы жениться на дочери Гельмана, нужно имѣть много денегъ.

Бихлеръ. Гельманъ же не такъ богатъ.

Вассерштейнъ. Я также не высоко оцѣниваю его богатство. Скажемъ: сто тысячъ гульденовъ. И это вложено въ дѣло. Если онъ умретъ—что, надѣюсь, никогда не случится...

Бихлеръ. Ха, ха, ха!

Вассерштейнъ. Короче: состояніе небольшое, расходы громадные, а дочери воспитаны для милліонеровъ. Когда я, такимъ образомъ, влюбился въ мадемуазель Германну, я сказалъ себѣ: Вассерштейнъ, теперь ты долженъ стать милліонеромъ. Я поставилъ себѣ въ примѣръ Рейнберга, который три года тому назадъ женился на дру-

гой дочери Гельмана. И я боролся, чтобы завоевать мадемуазель Герминю. Я началъ свою борьбу за любовь съ большимъ запасомъ португальскихъ акцій.

Бихлеръ. Борьбу за любовь?

Вассерштейнъ. Это такое выраженіе. Это значитъ „покупать". Я покупалъ и покупалъ, а португальскія падали и падали. Я боролся...

Бихлеръ. И вы потеряли сраженіе?

Вассерштейнъ. Какъ генералъ.

Бихлеръ (*встаетъ, ходитъ по комнатѣ*). Въ какой формѣ можетъ выразиться завоеваніе сердца! Ромео покупаетъ португальскія.

Вассерштейнъ. Ахъ, мой милый господинъ докторъ, я болѣе не могъ вычислять, я только ее и имѣлъ въ головѣ. Я былъ влюбленъ въ эту дѣвушку по уши. Она такъ красива, такъ благородна, у нея волосы словно изъ золота.

Бихлеръ. Вы становитесь лирикомъ!

Вассерштейнъ. Чѣмъ становлюсь я?

Бихлеръ. Я говорю: вы выражаетесь, какъ поэтъ.

Вассерштейнъ (*съ болью огорченный*). А теперь все миновало: мои деньги и дѣвушка! Если-бы я, по крайней мѣрѣ, сохранилъ деньги! но все потерять—это горько!

Бихлеръ. Если бы вы были философомъ, господинъ Вассерштейнъ, то вы бы знали, что случай съ вами есть лишь необходимое дополненіе другихъ явленій—случай съ вами есть примирительный.

Вассерштейнъ. Простите: какимъ образомъ?

Бихлеръ. Если человѣкъ бываетъ награжденъ за счастливую игру на биржѣ всѣми земными наслажденіями, то за несчастливую игру онъ долженъ быть наказанъ. Рейнбергу удалось—вамъ не удалось. Одно уравновѣшиваетъ другое.

Вассерштейнъ. Честное слово хорошо!

Бихлеръ. Такъ должны были бы вы смотрѣть на это, если бы вы были философомъ.

Вассерштейнъ. Но я же не философъ. Наоборотъ: когда я былъ теперь въ синагогѣ, мое сердце надрывалось. Я видѣлъ ее тамъ, рядомъ съ докторомъ Самуэлемъ—она вся бѣлая, онъ весь черный... А я думалъ себѣ при этомъ: Вассерштейнъ, если бы ты тогда подко-

нался подъ португальскія... мое несчастье! (*обтираетъ слезы на глазахъ*). Я поспѣшилъ уйти, чтобы не видѣли моего несчастья. Я шелъ по мосту въ такомъ огорченіи.

Бихлеръ. Нѣтъ!

Вассерштейнъ. Да! Къ биржѣ... Турецкія сильно повышаются.

Бихлеръ (*Смѣется*). Я думалъ, было, что вы хотѣли покончить самоубійствомъ.

Вассерштейнъ. У меня другія заботы.

Бихлеръ. Комично, какъ все это связано одно съ другимъ. Если бы вы удачно спекулировали, жизнь трехъ человѣкъ сложилась бы иначе.

Вассерштейнъ. Почему трехъ?

Бихлеръ. Вы, мадемуазель Гермина и докторъ Самуель.

Вассерштейнъ. Вы знаете доктора Самуеля?

Бихлеръ. Я ввелъ его въ домъ Гельмановъ.

Вассерштейнъ. Я думалъ, что по сватовству.

Бихлеръ. Самуель? Что вы о немъ думаете? Онъ другой человѣкъ. Не слыхали вы развѣ о немъ?

Вассерштейнъ. Слышалъ ли я—о да! Адвокатъ. Много у него работы?

Бихлеръ. Достаточно—не слишкомъ много. Онъ хочетъ защищать только порядочныхъ людей.

Вассерштейнъ. Можно ли этимъ прожить?

Бихлеръ. Кажется.

Вассерштейнъ. Я понимаю подъ этимъ: хорошо прожить! Мадемуазель Гермина захочетъ такъ жить, какъ живетъ ея сестра, госпожа Рейнбергъ. Красивыя платья, драгоцѣнности, театръ, концерты. Это означаетъ: денегъ много зарабатывать. Можетъ ли это все адвокатъ?.. Впрочемъ, что я говорю? Рейнбергъ уже выведетъ его въ люди. Такой шуринъ чего-нибудь да стоитъ. Рейнбергъ можетъ пристроить его въ качествѣ повѣреннаго при банкахъ. Словомъ, Рейнбергъ уже позаботится о немъ.

Бихлеръ. Если только Самуель согласится на это.

Вассерштейнъ. Что это значитъ? Развѣ онъ сумасшедшій, что онъ не согласится на это? Гдѣ тутъ смыслъ?

Бихлеръ. Г. Вассерштейнъ, этого вы не понимаете.

Вассерштейнъ. Можетъ быть, но тогда онъ... Какимъ счастьемъ обладаетъ этотъ человѣкъ.

Бихлеръ. Вы, вѣроятно, ему очень завидуете?

Вассерштейнъ. Я? Честное слово, нѣтъ. Эммануель Вассерштейнъ не знаетъ никакой зависти. Мнѣ только жаль себя. Я изъ сожалѣнія ушелъ изъ синагоги.

Бихлеръ. Было много людей тамъ?

Вассерштейнъ. Всѣ суконщики—въ честь Гельмана. Много адвокатовъ, конечно... Да, почему же вы не были, господинъ докторъ?

Бихлеръ (*улыбаясь*). Вы же можете понять причину.

Вассерштейнъ. Да, правда! Вы крещенный.

Бихлеръ. Раввинъ золъ на меня, это я знаю. И онъ правъ со своей точки зрѣнія. А такъ какъ я не хотѣлъ портить набожнымъ евреямъ настроенія моимъ присутствіемъ... (*слышно какъ подъѣзжаетъ экипажъ*).

Вассерштейнъ. Почему вы, собственно, крестились?

Бихлеръ. Собственно—это не ваше дѣло, мой милый. Но я даю охотно каждому отчетъ. То, что я сдѣлалъ, это индивидуальное рѣшеніе вопроса.

Вассерштейнъ. Индиви... Какъ? Этого я не понимаю.

Бихлеръ [*вздыхая*]. Или, по крайней мѣрѣ, попытка рѣшенія... Потому что—между нами—этимъ вопросъ еще не рѣшенъ.

Кати (*бѣжитъ черезъ сцену слѣва направо*). Онп уже злѣсь! (*Убѣгаетъ направо*).

4-я СЦЕНА.

Бихлеръ, Вассерштейнъ, Яковъ, Гермина, Кати, затѣмъ **Францъ,** позже **Гельманъ, госпожа Гельманъ, Самуель, госпожа Самуель, Рейнбергъ** и **Шарлотта.**

(Во время этой сцены слышно, какъ въ регулярные промежутки времени подъѣзжаютъ кареты. Гости, приглашенные на свадьбу, входятъ по трое и четверо справа и, если они не должны говорить, двигаются въ глубинѣ сцены, причемъ пожимаютъ другъ другу руки, цѣлуются и кланяются).

Яковъ (*останавливается близъ двери съ Герминой, взволнованно*). Теперь ты моя жена! (*отбрасываетъ назадъ ея фату и цѣлуетъ ее въ лобъ*).

Гермина. Кати, помогите мнѣ снять фату.

Бихлеръ (*подаетъ Якову обѣ руки*). Полнаго счастья!

Яковъ (*тепло*). И вамъ отъ души желаю! Спасибо!

Бихлеръ (*къ Гермине*). Мое милое дитя! (*къ Якову*). Долженъ я поцѣловать Герминочку?

Яковъ (*улыбаясь*). Вы спрашиваете?

Бихлеръ [*цѣлуетъ Гермину въ лобъ*].

Вассерштейнъ [*къ Якову*]. Моя фамилія Вассерштейнъ. Я тоже поздравляю.

Яковъ *(дружески)*. Благодарю, благодарю.

Вассерштейнъ. Я старый знакомый семьи Гельманъ, и поэтому я позволилъ себѣ поздравить.

Яковъ [*обращаетъ на него вниманіе Гермины, которая возится со своей фатой*]. Гермина, одинъ другъ вашего дома.

Вассерштейнъ (*смущенно дѣлаетъ поклоны*). Милостивая госпожа, я позволю себѣ поздравить.

Гермина (*благодаритъ, улыбаясь*).

Францъ [*входитъ*].

Яковъ (*видитъ его и спѣшитъ къ нему*). Францъ! Ты, Францъ! (*Обнимаетъ его и ведетъ его объ руку къ Гермине*). Это докторъ Вурцлехнеръ, мой другъ! Тотъ, о которомъ я тебѣ уже столь много разсказывалъ. Мои родители и онъ были моей семьей, пока я познакомился съ тобой.

Францъ. Теперь мы всѣ трое должны будемъ немного отступить назадъ.

Гермина. Ахъ, нѣтъ!

Нѣсколько дамъ (*украшенныя драгоцѣнностями, входятъ, щурясь своими богатыми платьями, обнимютъ Гермину*).

Францъ (*отступаетъ вмѣстѣ съ Яковомъ немного въ сторону*]. Итакъ, слуга покорный, Яковъ! Ты-же не имѣешь для меня теперь времени.

Яковъ. Уйти? Ты, ты этого не сдѣлаешь! Въ такой день останешься ты около меня!

Францъ. Я здѣсь совершенно незнакомъ—а ты принадлежишь сегодня всѣмъ этимъ людямъ.

Яковъ. Подожди только минутку. Эта суматоха скоро закончится. А пока держись около доктора Бихлера. Ты же его знаешь.

Францъ. Конечно... Ну, какъ ты хочешь.

Яковъ. Мои тесть и теща.

Францъ (*отходитъ къ Бихлеру налѣво. Обмѣнъ привѣтствій*).

Гельманъ (*патетически*). На грудь мою, зять мой!

Г-жа Гельманъ (*плача*). Сдѣлай ее счастливой!

Яковъ (*обнимаетъ обоихъ*).

Бихлеръ (*къ Францу*). Вы были въ синагогѣ?

Францъ. Да. Это все иначе, нежели у насъ. Я не знаю, но это не кажется мнѣ достаточно благочестивымъ. Можетъ быть, потому что мужчины оставляютъ шляпы на головахъ. Но музыка была хороша. Кто-то превосходно пѣлъ. Къ тому же органъ! Тамъ стало какъ-то праздничнѣе у меня на сердцѣ.

Бихлеръ. Это старинныя пѣснопѣнія, которыя трогаютъ людей вотъ уже много столѣтій.

Францъ. Какъ все это сохранилось. Чужіе обычаи среди насъ. Удивительно!.. Яковъ сегодня казался мнѣ совершенно инымъ.

Бихлеръ. Почему бы и нѣтъ! (*уходятъ, разговаривая, вглубь сцены*).

Яковъ. Моихъ родныхъ еще нѣтъ?

Г-жа Гельманъ. Вотъ они идутъ.

Самуель. [*входитъ съ г-жей Самуель и, послѣ того, какъ ихъ поздравили, проходятъ на авансцену справа*].

Яковъ (*цѣлуетъ своей матери и потомъ своему отцу руку*). Мои дорогіе! [*проходитъ между своими родителями*]. То радостный день! Мы мечтали о немъ еще раньше, нежели, узнали Гермину. Вы имѣете теперь дочь—замѣчательно красивую!

Самуель [*полушутя*]. Благодареніе Господу. Одинъ изъ рода Самуелей съ некрасивой женой—это было бы противъ натуры. Твоя мать еще и теперь такова. Мы не позволяемъ испортить нашу расу.

Яковъ. (*улыбаясь*). Ахъ, отецъ, родъ Самуелей!

Самуель. Пожалуй не хорошъ?

Яковъ. (*пожимаетъ имъ руки*). О да, у меня хорошіе родители! Теперь явится новая примѣсь къ нашему роду—и это не къ худу. Я желаю себѣ дѣтей, которыя были бы похожи на нее.

Г-жа Самуель. А я желаю тебѣ такихъ дѣтей, какимъ ты однажды былъ—какой ты еще есть. Это пусть будетъ наградой тебѣ за ту радость, которую ты намъ всегда доставлялъ.

Яковъ (*цѣлуетъ, тронутый, ея руки*). Мама!

Г-жа Самуель. Теперь, дитя мое, ты долженъ начать новую жизнь, серьезную и разумную. Будь господиномъ въ твоемъ домѣ, но не строгимъ господиномъ. Помни: она еще молодое дитя, которое не знаетъ, какъ жестока жизнь. Ты боролся вмѣстѣ съ нами за хлѣбъ насущный—она выросла не при такихъ простыхъ обстоятельствахъ. Избавь ее отъ безцѣльныхъ заботъ, но горе она должна дѣлить съ тобою. Предоставь ей возможность веселиться, но не терпи легкомыслія. Живи, согласно твоему состоянію, дабы ты не долженъ былъ дѣлать ничего недостойнаго. Мы сдѣлали изъ тебя честнаго человѣка, и у тебя нѣтъ въ характерѣ этой черты унижаться за деньги.

Самуель. Запомни это, мое дитя! Я не могъ бы тебѣ этого лучше сказать.

Гермина *[приближается въ эту минуту]*. Вотъ и я, мама (*подставляетъ сначала Самуелю, потомъ г-жѣ Самуель лобъ для поцѣлуя]*.

Г-жа Самуель. Мужъ мой, я хочу сказать нашей дочери пару словъ. (*Садится*).

Самуель (*отводитъ Якова на нѣсколько шаговъ назадъ*). Мы здѣсь излишни.

Г-жа Самуель. Садись, дитя мое,

Гермина [*садится*].

Г-жа Самуель. Дитя мое, съ твоимъ мужемъ легко обходиться, если его понять. Онъ гордъ. Изъ-за этого онъ много страдаетъ, онъ всегда много страдалъ — и я съ нимъ вмѣстѣ. Я часто пугалась изъ-за его гордости, еще когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ, потому что онъ изъ-за своего характера былъ неуживчивымъ, и его нельзя было взять въ руки. Но когда мое материнское чутье повысилось—а, вѣдь, мать ростетъ вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ, — тогда я научилась направлять его гордость туда, куда я хотѣла. Поступай такъ и ты.

Гермина. Я попробую это, мама.

Г-жа Самуель. Я была необразованной женщиной и

еще теперь не могу написать порядочно письма. Ради моего сына, я дала самой себѣ образованіе, насколько могла. Я пріучилась къ лучшему языку, нежели еврейскій жаргонъ, чтобы ему не пришлось меня стыдиться. Такъ поступай и ты. Думай о томъ, чтобы достичь его высоты, чтобы ты могла его понять и чтобы онъ себя чувствовалъ хорошо, когда первое чувство любви пройдетъ.

Гермина (*улыбаясь*). Мы еще не ушли такъ далеко.

Г-жа Самуель. Еврейская женщина должна быть своему мужу еще бо́льшимъ другомъ, нежели христіанка, потому что наши мужья вынуждены страдать, когда они выходятъ изъ дому. Домъ долженъ быть для нихъ мѣстомъ отдохновенія. Украшай себя только ради него. Думай только о немъ, живи только для него.

Гермина. Все, что ты говоришь, мама, звучитъ такъ хорошо и мудро.

Г-жа Самуель (*цѣлуетъ ее въ лобъ*). Я благодарю тебя, дитя мое, за то, что ты это такъ воспринимаешь... А теперь я тебя не заставлю больше скучать. Тамъ твоя сестра. И она, вѣроятно, имѣетъ кое-что для тебя.

Гермина. Шарлотта? Она не такъ серьезна (*цѣлуетъ ей руку и подходитъ къ Шарлоттѣ, которая вошла съ Рейнбергомъ*).

Самуель (*возвращается, задушевно*). Хорошо ли ты проповѣдывала мать?

Г-жа Самуель. Симонъ, мы имѣемъ дочь (*складываетъ, что-то бормоча, руки*).

Самуель. Аминь! А теперь пойдемъ что-нибудь закусить... (*идетъ вмѣстѣ съ ней пальво*).

Гельманъ (*приглашаетъ дружески гостей въ столовую*. Господа, я прошу къ буфету.

5-ая СЦЕНА.

Шарлотта, Гермина, Рейнбергъ, Яковъ, затѣмъ **Вассерштейнъ, Францъ**, позже **Шроммъ.**

Шарлотта (*къ Гермине*). Видѣла ты въ синагогѣ Шлезингеръ? Парижское платье.

Гермина. Чтобы я въ синагогѣ обращала на это вниманіе?

Шарлотта. Эге, да ты сантиментальна.

Гермина. Шарлотта!

Шарлотта. Подумай только: эта Шлезингеръ—вотъ такіе рукава! Великолѣпно... *(онъ уходятъ въ глубь сцены и садятся предъ дверью на балконъ).*

Рейнбергъ *(выглядитъ не-евреемъ, держится стройно; у него рыжеватые кавалерійскіе усы. Окликаетъ проходящаго мимо Якова).* Шуринъ!

Яковъ. Шуринъ! *(крѣпкое рукопожатіе).*

Рейнбергъ. Намъ съ тобою не нужно много словъ. Мы будемъ держаться другъ друга *(осматривается кругомъ).*

Яковъ. Само собой понятно... Ты кого-нибудь ищешь?

Рейнбергъ. Моего агента. Ты знаешь Вассерштейна?

Яковъ. Нѣтъ.. Ахъ да, этого комичнаго! *(смѣется).* Прежде онъ былъ здѣсь.

Вассерштейнъ *(входитъ съ бокаломъ шампанскаго въ одной рукѣ и бутербродомъ въ другой; жуетъ обѣими щеками).*

Рейнбергъ *(повелительно).* Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ *(подходитъ поспѣшно и говоритъ, жуя).* Триста семьдесятъ, двѣсти шестьдесятъ шесть, двѣсти восемьдесятъ одинъ, четыреста девяносто восемь.

Францъ *(входитъ слѣва, подходитъ къ Якову и прислушивается удивленно).*

Яковъ. Теперь я останусь съ тобой.

Вассерштейнъ. Сто шесть, пятьдесятъ, весьма слабо, три—шестьдесятъ девять, двадцать пять, восемьдесятъ три. Конецъ: слабо.

Францъ *(вполголоса).* Что это?

Яковъ *(пожимая плечами).* Биржевые курсы!... Пойдемъ, выкуримъ папироску *(садится вмѣстѣ съ Францемъ на авансценѣ слѣва. Оба курятъ).*

Рейнбергъ. Берлинъ?

Вассерштейнъ. Девяносто девять, восемьдесятъ два, семьдесятъ пять, сто девять, потому что, говорятъ, султанъ вывихнулъ себѣ ногу.

Рейнбергъ. Эту штуку я знаю.

Вассерштейнъ. Угольныя акціи падаютъ.

Рейнбергъ. Парижъ?

Вассерштейнъ. Сдѣлки на Лондонъ—слабо.

Рейнбергъ. Что говорятъ?

Вассерштейнъ. Въ Берлинѣ усиленная продажа

угля. Здѣсь покупаетъ кто-то массу. Полагаютъ, что это Шлезингеръ.

Рейнбергъ *(смѣется)*. Вассерштейнъ, вы оселъ!

Вассерштейнъ *(упавши духомъ)*. Почему, господинъ фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Тотъ, кто покупаетъ здѣсь,—это я.

Вассерштейнъ *(удивленно)*. При помощи другого агента, господинъ фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Потому что знаютъ, что вы для меня работаете.... Въ общемъ для меня теперь уже удобно, чтобы видѣли, что я замѣшанъ въ угольное дѣло. Если бы я васъ замѣтилъ въ синагогѣ—я хотѣлъ дать вамъ одно порученіе. Теперь ужъ слишкомъ поздно.

Вассерштейнъ *(огорченный, жуетъ)*. Мое несчастье!... Я ушелъ оттуда. Кто же думаетъ въ синагогѣ о дѣлахъ?

Рейнбергъ. Вассерштейнъ, вы...

Вассерштейнъ. Оселъ, я знаю, господинъ фонъ-Рейнбергъ... Такъ это вы скрываетесь за углями? Тогда, значитъ, правда и то, что вы устраиваете дѣло съ копями Шромма?

Рейнбергъ. Кто говоритъ это?

Вассерштейнъ. Говорятъ!

Рейнбергъ *(презрительно)*. Говорятъ ложь!

Вассерштейнъ. Господинъ фонъ-Рейнбергъ, васъ видѣли также раза два вмѣстѣ съ ротмистромъ фонъ-Шроммъ.

Рейнбергъ *(польщенный)*. Меня видѣли? Ну да, я хожу съ нимъ... Ротмистръ фонъ-Шроммъ, мой другъ.

Вассерштейнъ *(недовѣрчиво)*. У васъ есть такой важный другъ, господинъ фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ *(снисходительно)*. Мой милый Вассерштейнъ, у меня въ домѣ бываетъ также одинъ гофъ-ратъ.

Вассерштейнъ. Онъ ходитъ съ вами по улицѣ?

Рейнбергъ. Что это значитъ? Если я этого хочу... вы, кажется, не знаете, что на моихъ вечерахъ бываетъ лучшее общество?

Вассерштейнъ. Откуда мнѣ это знать? Вы же меня не приглашаете, господинъ фонъ-Рейнбергъ.

Рейнбергъ *(уклончиво)*. Итакъ, какъ было мною сказано, вы можете всюду разсказывать, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Я не основываю этихъ копей.

Кати (*спѣшитъ справа къ Гермини и Шарлоттѣ*). Господинъ ротмистръ фонъ-Шроммъ!

Яковъ (*слышитъ это, остается изумленный; вполголоса*). Что? Шроммъ?

Францъ. Что такое?

Рейнбергъ (*идетъ къ двери справа, протягиваетъ руку входящему Шромму*).

Шроммъ (*элегантный спортсменъ, въ костюмѣ для гулянья; ему 42 года; подходитъ съ Рейнбергомъ къ дамамъ, которыя подымаются. Молчаливое привѣтствіе*).

Вассерштейнъ (*про себя*). Что это значитъ: ни одного слова правды?.. И если это неправда, зачѣмъ мнѣ это отрицать?.. Теперь мы увидимъ, оселъ-ли Вассерштейнъ?.. Я раньше еще немного подкрѣпился—буттербродами... (*Выходитъ снова напьво, дѣлая поклоны, на которые никто изъ присутствующихъ не обращаетъ вниманія*).

Францъ (*вполголоса*). Ты значитъ, имѣлъ кое-что съ этимъ господиномъ.

Яковъ. Да. Нѣсколько лѣтъ назадъ. Непріятная исторія.

Рейнбергъ. Съ родителями моей жены вы еще совершенно незнакомы?

Шроммъ (*пришепетывая*). Не имѣю чести!.. Только мадемуазель Гермину!.. Хе-хе, pardon! Любезную госпожу... (*къ дамамъ, съ легкимъ оттѣнкомъ снисходительности*). Пришелъ только на одну минутку поздравить.

Шарлотта. Очаровательны какъ всегда!

Шроммъ. Пустяки, пустяки!.. (*къ Гермини*). Вашего мужа я также еще не знаю.

Гермина (*дѣлаетъ шагъ впередъ*). Жакъ, позволь тебя представить! Мой мужъ—ротмистръ фонъ-Шроммъ.

Шроммъ. (*дѣлаетъ два шага впередъ, протянувъ нѣсколько впередъ правую руку, словно готовится подать ее Якову, затѣмъ онъ его узнаетъ, на секунду смущается, опускаетъ руку и кланяется весьма вѣжливо*). Очень пріятно!

Яковъ (*дѣлаетъ также два шага навстрѣчу Шромму, смотритъ ему прямо въ глаза, затѣмъ кланяется сдержанно*). Очень радъ!

Шпроммъ (*про себя*). Такъ это онъ!.. (*Оборачивается снова къ дамамъ*). Не будете ли вы еще столь любезны повести меня къ вашимъ родителямъ...

Шарлотта. Съ большимъ удовольствіемъ!

Рейнбергъ (*идетъ озабоченно впередъ*). Вамъ сейчасъ услужатъ (*уходитъ налѣво*).

Шпроммъ (*уходитъ за Шарлоттой и Герминой налѣво*).

6-ая СЦЕНА.

Яковъ, Францъ.

Яковъ (*глядитъ имъ вслѣдъ*).

Францъ. Ты глядишь на него какъ-то странно, не совсѣмъ вѣжливо!

Яковъ. Еслибы ты зналъ, какъ это гнететъ меня еще теперь—а, вѣдь, уже прошло пять лѣтъ.

Францъ. Что же было это? Ты можешь это сказать?

Яковъ. Тебѣ все! Ты вспоминаешь, вѣроятно, болѣзнь моего отца, пять лѣтъ назадъ.

Францъ. Конечно. Тогда я только тебя и полюбилъ, когда я видѣлъ твои опасенія за жизнь твоего отца. Затѣмъ, этотъ уходъ днемъ и ночью.

Яковъ. Да, это было такъ. Изъ за-ночныхъ дежурствъ я былъ обезсиленъ, изнуренъ. Однажды моя мать стала настаивать, чтобы я вышелъ освѣжиться. Я согласился и пошелъ въ городъ, въ кафе. Я сажусь у стола, занятаго уже однимъ господиномъ, на котораго я не обращалъ никакого вниманія. На столѣ лежала газета. Я беру ее. Онъ, вѣроятно, уже злился на меня и говоритъ раздражительно: „это моя газета!..“ Я смотрю на него въ упоръ и отвѣчаю нервно: „Что это значитъ, ваша газета! Теперь она моя“.—„Пусть лежитъ“ говоритъ онъ грубымъ голосомъ. „Этого не будетъ!“ отвѣчаю я тѣмъ же тономъ.—Тогда онъ крикнулъ мнѣ угрожающе: „Вы не знаете съ кѣмъ вы говорите!“—Я отвѣчаю насмѣшливо: „Вы пугаете меня!“—„Повторите это!“ говоритъ онъ.—„Столь часто, сколько вамъ угодно, милостивый государь!“ отвѣчаю я.—„Чортъ для васъ милостивый госу-

дарь!“ вскипятился онъ: „знаете ли вы, кто я такой?“—„На—на, говорю я насмѣшливо: „вы ужъ скажете мнѣ это“.—„Вотъ моя карточка!“ сказалъ онъ и бросилъ мнѣ свою карточку. Я далъ ему свою и ушелъ.

Францъ. Какое глупое столкновеніе!

Яковъ. На карточкѣ было напечатано: „Дворянинъ фонъ-Шроммъ, ротмистръ запаса арміи.“ Я прихожу домой. Отцу хуже, мать въ отчаяніи—меня все это сильно гнететъ. Чтобы я теперь стрѣлялся... Ничего порядочнаго изъ этой драки не вышло-бы: пожалуй, рана въ руку или ударъ по пальцамъ—первая кровь. Но я не могъ... Отецъ былъ при смерти. И когда на слѣдующій день явились ко мнѣ секунданты Шромма,—тогда я извинился. (*Закрываетъ лицо руками*).

Францъ (*тепло*). Бѣдный другъ!

Яковъ. Я тебѣ этого тогда не разсказалъ—изъ-за стыда. Подашь ли ты мнѣ еще руку?

Францъ (*протестующе*). Но, Яковъ!.. (*пожимаетъ ему руку*). Изъ-за такого пустяка не станетъ драться ни одинъ порядочный человѣкъ... все вмѣстѣ было сплошной глупостью, это забывается.

Яковъ. Я не забылъ. Я не могу этого забыть,—потому что я еврей. Вы можете что-либо подобное воспринять легче. Если ты, Францъ Вурулернеръ, уладишь полюбовно подобную исторію, ты значитъ, спокойный разсудительный человѣкъ. Я же Яковъ Самуель, я—трусъ.

Францъ. Глупости!.. Ротмистръ же тебя послѣ твоего извиненія не назвалъ трусомъ?

Яковъ (*горячо вспыхнувъ*). Если бы онъ только позволилъ себѣ это сдѣлать!.. Ничего!.. Для него уже вся исторія была улажена по ры-цар-ски (*скрежеща зубами*). И чести тоже немного, драться съ евреемъ... Я встрѣчалъ его иногда позже на улицѣ. Я для него былъ ничто, словно воздухъ. А, если бы онъ состроилъ какую нибудь мину, я бы разорвалъ его на кусочки... Ничего онъ бывалъ корректенъ... Иногда я пробовалъ пройти быстро мимо него.

Францъ. Пфуй, подстрекать!

Яковъ. Онъ вѣжливо уклонялся... Я же не могъ на него напасть, какъ сумасшедшій...(*тихо*). Видишь, Францъ, есть такимъ образомъ, одинъ честный человѣкъ, который имѣетъ право меня презирать.

Францъ. Оставь, ты дурень!

7-ая СЦЕНА.

Прежніе, **Шроммъ съ Шарлотой;** за ними **Рейнбергъ, г-жа Гельманъ, Вассерштейнъ** и нѣкоторые гости, которые стоятъ молчаливо въ нѣкоторомъ отдаленіи и смотрятъ на ротмистра робко, съ ненавязчивымъ восхищеніемъ.

Позже **Бихлеръ, Гермина.**

Шроммъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, уже проститься, любезная госпожа... Моя сестра ожидаетъ меня.

Шарлотта (*громко*). Графиня Вюлькенау?

Шроммъ. Да.

Вассерштейнъ (*къ нѣкоторымъ гостямъ, изумленно, но тихо*). Графиня—пссс!

Эти гости (*качаютъ въ молчаливомъ восхищеніи головами, но это не должно быть комически преувеличено*).

Шарлотта. Я хотѣла, собственно, кое о чемъ спросить графиню.

Шроммъ (*смущенно*). Вы хотѣли бы?... (*тотчасъ галантно—услужливо*). Распоряжайтесь мною!

Шарлотта. Я должна принять на службу бонну, которая до сихъ поръ была у графини. Я принимаю, конечно, только такую персону, которая служила въ хорошихъ домахъ. Ну я хотѣла бы знать, можно ли на нее полагаться.

Шроммъ. Я освѣдомлюсь.

Шарлотта. Вы понимаете: при дѣтяхъ—это очень важно. Имъ же хотятъ дать лучшее воспитаніе.

Шроммъ. Я понимаю это... (*стучитъ каблуками, склоняетъ голову передъ Шарлоттой и идетъ къ двери направо*).

Рейнбергъ (*за нимъ*). Вы уже, дѣйствительно уходите, любезный ротмистръ?

Шроммъ. Да, мой милый. (*Рукопожатіе*). Для меня здѣсь слишкомъ много—людей... До свиданія! (*уходитъ*).

Вассерштейнъ (*который прислушивался къ словамъ обоихъ, къ Рейнбергу*). Онъ хотѣлъ сказать слишкомъ много евреевъ!

Рейнбергъ (*строго*). Вассерштейнъ, вы оселъ! впрочемъ, если васъ увидѣть можно стать антисемитомъ.

Вассерштейнъ (*обиженно*). Господинъ фонъ-Рейнбергъ!

8-ая СЦЕНА.

Фридгеймеръ, Г-жа Самуель. Гельманъ, Самуель, прежніе, безъ **Шромма.**

Гельманъ. Жакъ! Раввинъ хочетъ тебя видѣть.

Яковъ (*оставляетъ Франца, дѣлаетъ два шага навстрѣчу Фридгеймеру*).

Д-ръ Фридгеймеръ (*ведя госпожу Самуель подъ руку, входитъ слѣва. Гости разступаются и даютъ ему пройти. Онъ кланяется нѣкоторымъ нѣсколько важно*).

Вассерштейнъ (*протискивается впередъ*). Имѣю честь, господинъ раввинъ.

Фридгеймеръ (*подаетъ, проходя мимо, руку Вассерштейну, идетъ съ достоинствомъ до средины сцены, гдѣ стоитъ Рейнбергъ, и говоритъ громко*). Господинъ Рейнбергъ, я слышалъ, что сдѣлки на биржѣ слабы.

Рейнбергъ. Паденіе цѣнъ продержится недолго.

Яковъ (*къ Фридгеймеру*). Я не довѣряю моимъ ушамъ, господинъ докторъ! Вы интересуетесь биржей?

Фридгеймеръ (*спокойно*). Не ради себя, мой молодой другъ, но ради нашихъ бѣдняковъ (*даетъ возможность г-жѣ Самуель занять мѣсто на авансцепѣ справа и садится рядомъ съ ней. Остальные постепенно окружаютъ говорящихъ, но не широкимъ кольцомъ, и совершенно тѣсно. Одинъ смотритъ чрезъ плечо другого; всѣ прислушиваются почтительно. Такимъ образомъ, толпятся справа. Вассерштейнъ стоитъ послѣднимъ, почти посреди сцены, и вытягивается, чтобы лучше слышать. На авансцепѣ слѣва стоятъ отдѣльно Францъ и Вихлеръ*).

Яковъ (*стоитъ предъ Фридгеймеромъ*).

Фридгеймеръ (*немного торжественно*). Да, когда на биржѣ дѣла хороши, я имѣю денегъ и для моихъ бѣдняковъ. Биржа даетъ.

Вассерштейнъ. Если она имѣетъ.

Рейнбергъ (*раздосадованно, повернувъ на половину голову*). Пишъ!

Фридгеймеръ. Именно теперь нужно намъ снова много для эммигрантовъ, которыхъ мы посылаемъ за океанъ, —они бѣднѣйшіе!.. Да, друзья мои, намъ еще далеко не такъ скверно, какъ тѣмъ нашимъ единовѣрцамъ. Мы

имѣемъ по крайней мѣрѣ, возможность оставаться въ нашемъ отечествѣ.

Яковъ. Но только не спрашивайте меня: какъ?

Фридгеймеръ. Какъ и всегда! Мы пользуемся охраной законовъ. Правда на насъ смотрятъ снова косо—какъ въ старое время, когда мы жили въ гетто. Но стѣны все таки пали.

Яковъ. Видимыя стѣны.

Фридгеймеръ. Движеніе имѣетъ также и свои хорошія стороны. Съ тѣхъ поръ какъ въ странѣ развился антисемитизмъ, я вижу увеличеніе набожности. Антисемитизмъ—это напоминаніе намъ, чтобы мы всѣ держались вмѣстѣ, преданные другъ другу, чтобы мы не отрекались отъ Бога нашихъ предковъ—какъ это сдѣлалъ кос-кто... *(наклоняется немного впередъ и смотритъ въ сторону Бихлера)*.

Бихлеръ (*къ Францу*). Это касается меня.

Нѣкоторые *(косо поглядываютъ на Бихлера)*.

Фридгеймеръ. Нашъ Богъ выводилъ насъ до сихъ поръ изъ каждаго Mizraj'm и, потому что мы уповали на Него, мы еще сохранились, со всѣми нашими старыми добродѣтелями.

Яковъ. И со старыми недостатками.

Г-жа Самуель (*настоятельно*). Яковъ.

Фридгеймеръ. Допускаю... Гетто было удушливо и грязно, но въ немъ расцвѣтали семейныя добродѣтели. Отецъ былъ патріархомъ. Мать... (*кладетъ слегка свою руку на руку г-жи Самуель*) жила только ради своихъ дѣтей—послѣдніе питали ко своимъ родителямъ почтительную любовь. Не проклинайте при мнѣ еврейской улицы, мой другъ! это наша бѣдная родина.

Яковъ. Я не проклинаю ея! Я говорю только, что мы должны вонъ изъ нея!

Фридгеймеръ (*встаетъ*). А я отвѣчаю вамъ: мы не можемъ! Когда еще существовало настоящее гетто, мы не должны были оставлять его безъ разрѣшенія—иначе нашему тѣлу грозила крупная опасность. Теперь стѣны и границы невидимы, какъ вы говорите. Но и это моральное гетто есть также предписанное намъ мѣстопребываніе. Горе тому, кто хочетъ уйти изъ него! (*Идетъ*).

Г-жа Самуель (*кладетъ руку на сердце*). Справедливый Боже!

Яковъ (*провожаетъ Фридгеймера къ двери. Остальные снова почтительно даютъ проходъ*). Господинъ докторъ эти границы должны мы только иначе сломить, нежели тѣ старыя. Внѣшнія границы должны были быть убраны снаружи—внутреннія мы сами должны разобрать. Мы сами! Изъ насъ самихъ!

Фридгеймеръ (*пожимаетъ плечами, идетъ къ выходу и кланяется нѣсколькимъ лицамъ, съ достоинствомъ, по дружески*).

Бихлеръ (*на авансценѣ, къ Францу*). Ну, что скажете вы, молодой другъ?

Францъ (*задумчиво*). Это совершенно другой міръ!.. (*направляется съ Бихлеромъ въ глубь сцены*).

АКТЪ ВТОРОЙ.

(Кабинетъ Якова. Главный входъ черезъ среднюю дверь. Двери имѣются также справа и слѣва. Стѣнъ не видно изъ за книгъ. Справа на авансценѣ окно; неподалеку отъ окна большой письменный столъ, на которомъ стоитъ горящая рабочая лампа).

1-ая сцена.

Яковъ, затѣмъ Францъ.

Яковъ (*сидитъ, задумчивый, у письменнаго стола, пишетъ и ищетъ кой-чего въ книгахъ*).

Францъ (*входитъ, говоритъ сдержанно*). Слуга покорный, Яковъ!

Яковъ (*подымаетъ, удивленный, голову*). Францъ! (*Встаетъ и привѣтствуетъ его*). Что привело тебя столь рано?

Францъ (*смѣется неувѣренно*). Ужъ не такъ рано. Десять часовъ утра.

Яковъ (*смотритъ на свои часы*). И въ самомъ дѣлѣ!.. Я оттяну занавѣсъ (*подходитъ къ окну, оттягиваетъ занавѣсъ и выглядываетъ на секунду черезъ окно*). Солнечный день!

Францъ (*касается рукой лампы*). Могу я прикрутить?

Яковъ. Если только хочешь.

Францъ (*прикручиваетъ*). Ты давно уже всталъ? (*садится*).

Яковъ. Съ пяти часовъ... Теперь каждый день.

Францъ. Такъ? У тебя теперь больше работы?

Яковъ. Въ качествѣ адвоката—нѣтъ.... наоборотъ, по этой части дѣла скверны. (*Ходитъ по комнатѣ*).

Францъ. Милый другъ, я могъ бы также въ любую минуту закрыть свое бюро.

Яковъ (*стоитъ передъ нимъ*). Ты холостъ, тебѣ не нужно много. Но мнѣ! Но мнѣ! Семейная жизнь доставляетъ много заботъ. Не могу же я лишить молодую жену всего—чрезъ полгода послѣ свадьбы. Ну, и приходится дѣлать именно поэтому долги.

Францъ. Что ты?!.. И они тебя гнетутъ?

Яковъ. Порядкомъ.

Францъ. Ты, я недавно кое-что получилъ въ наслѣдство: три тысячи гульденовъ. Я могу дать тебѣ ихъ взаймы.

Яковъ. Ты не шутишь? Ты даже не имѣешь представленія, какое одолженіе ты мнѣ этимъ дѣлаешь. Къ моему отцу я не хочу обращаться. Своимъ часовымъ мастерствомъ онъ зарабатываетъ теперь немного... Я поэтому долженъ былъ бы говорить съ моимъ богатымъ шуриномъ Рейнбергомъ,—а это...

Францъ (*киваетъ головой*). Тебѣ противно!

Яковъ Онъ очень любезенъ и предлагаетъ мнѣ постоянно свои услуги,—но—я не знаю... Словомъ, у тебя я беру охотнѣе.

Францъ. По рукамъ! Ты получишь деньги еще сегодня до обѣда.

Яковъ. Великолѣпно! Францъ, дающій деньги взаймы Якову? Ты, это кажется мнѣ сномъ—то, что христіане даютъ денегъ евреямъ взаймы, за безмѣрные проценты!

Францъ (*смѣется*). Ну, я не возьму никакихъ.

Яковъ (*также смѣется*). А я было думалъ... (*потираетъ руки*) Францъ, теперь моя работа пойдетъ, впередъ разъ голова моя свободна отъ этихъ глупыхъ заботъ о деньгахъ.

Францъ (*указываетъ на письменный столъ*). Что же ты собственно, дѣлаешь?.. Пишешь?

Яковъ. Нѣчто великое, Францъ,—нѣчто великое!... Ты же знаешь, что я въ послѣднее время защищалъ на судѣ пару рабочихъ. При этомъ я съ ними нѣсколько сблизился и раздумывалъ о ихъ положеніи.

Францъ (*задушевно*). Сталъ, въ концѣ концовъ, также радикаломъ?

Яковъ. Этого нѣтъ. Они можетъ быть правы, но я этого не понимаю. Я не хочу помогать уничтоженію капитала: при этомъ слишкомъ многое погибло бы, слишкомъ много культуры! Я не хотѣлъ бы изгнать съ лица земли трудолюбіе, наклонность къ экономіи и духъ изобрѣтательности. А полезныя предпріятія должны имѣть свой богатый доходъ—до извѣстной границы.

Францъ. Да, гдѣ же эта граница?

Яковъ. Я ищу ее.

Францъ. Ахъ такъ!

Яковъ. Она должна быть найдена... Взгляни сюда, я изучаю различныя отрасли индустріи, съ самаго начала развитія ихъ. Пока десять предпріятій. Но оставимъ подробности... Мораль, это великое теченіе, вошло въ новые берега. То, что вчера считалось честнымъ, сегодня уже не такъ... Урегулируемъ берега!.. Послушай! Тебѣ, какъ другу, могу я высказать свои еще несозрѣвшія идеи...

Францъ (*встаетъ*). Погоди! Ты этого уже не можешь сдѣлать.

Яковъ. Ого, почему?

Францъ (*съ опущеннымъ взоромъ*). Потому что мы должны разойтись.

Яковъ. Я не понимаю.

Францъ. Я хочу съ тобой разстаться. Поэтому я и пришелъ сегодня.

Яковъ (*внѣ себя*). Францъ!

Францъ. Мнѣ очень больно... (*крѣпкимъ голосомъ*)... Но я не могу иначе.

Яковъ. Что же случилось?

Францъ. Вокругъ тебя кое-что измѣнилось. Ты имѣешь теперь другую среду, другое общество, съ которымъ я не могу сойтись. Эти Рейнберги, этотъ Вассерштейнъ и какъ ихъ тамъ зовутъ... Другъ мой, не сердись на меня, но я ихъ не могу переносить. Эти люди мнѣ пре-

тятъ. А встрѣчи съ ними нельзя избѣгать: со времени твоей свадьбы встрѣчаешь ихъ у тебя каждую минуту. Они всѣ свои люди у тебя! Ты не отвѣчаешь,конечно, за нихъ, но все же я иногда злюсь на тебя. Да, на тебя! Это несправедливо и поэтому, какъ видишь, я хочу отказаться отъ тебя. Но не постепенно и конечно, не стыдливо и уныло, какъ будто послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, —нѣтъ, разомъ! Я отношусь къ тебѣ попрежнему хорошо, вслучаѣ нужды можешь полагаться на меня, какъ я могу полагаться на тебя—я это знаю. Но нашему общенію наступаетъ конецъ. Дай мнѣ теперь поэтому руку!

Яковъ (*протягиваетъ ему руку*). Я благодарю тебя за твою откровенность, Францъ. Ты, конечно, хорошо подумалъ, прежде чѣмъ рѣшился нанести мнѣ этотъ ударъ. Я благодарю тебя за твою дружбу ко мнѣ въ теченіи многихъ лѣтъ. Я также многому у тебя научился.

Францъ (*стараясь скрыть свое волненіе*). Ты насмѣхаешься?.. Ты отъ меня!

Яковъ. Да! Сначала—даже не сознавая этого. Я научился отъ тебя малому и великому: ставить ударенія, дѣлать мины и жесты, тому, какъ кланяются безъ раболѣпія, и тому, какъ выпрямиться безъ ослушанія,—да и многому другому!

Францъ. Оставь! Будто я такой примѣрный человѣкъ?

Яковъ Еслибы я долженъ былъ быть правдивымъ, то я сказалъ бы тебѣ, что я въ тебѣ восхищался твоей средой, такъ, какъ ты теперь ненавидишь мою среду.

Францъ. Я этого не говорилъ.

Яковъ. Вы были въ теченіе нѣсколько сотъ лѣтъ свободными бюргерами,—а мы... (*горько улыбается*). Но если я, продуктъ еврейскихъ улицъ, выбрался оттуда, то помогъ этому ты. Теперь я уже могу итти дальше самъ одинъ! И взгляни, Францъ, только потому, что мы теперь говоримъ другъ съ другомъ въ послѣдній разъ открыто, я хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ напутствіе. Ты сталъ адвокатомъ, потому что Вурулернеры съ давнихъ поръ были въ Вѣнѣ адвокатами или врачами. Такъ и Вассерштейнъ сталъ тѣмъ, чѣмъ были его предки, т. е. чѣмъ сдѣлала его предковъ судьба. Это не его вина.

Это не твоя заслуга. Моральная сторона вопроса начинается позже: именно, при сознаніи, при стараніи преобороть все инстинктивное. Насъ не природа сдѣлала такими, каковы мы теперь, но исторія. Силой заставили вы насъ поддерживать свое существованіе деньгами—а теперь мы должны разомъ перестать и не цѣпляться больше за деньги! Сначала вы держали насъ тысячу лѣтъ въ рабствѣ—теперь мы должны въ одинъ день стать свободными духовно! Кто же свободенъ духовно? Ты свободенъ? Да, мы даже не должны имѣть обычныхъ недостатковъ, которые присущи всѣмъ—вообще, мы злочастные евреи!

Францъ (*съ сожалѣніемъ*). Яковъ!

Яковъ. Съ нами все кончено, Вурулернеръ! И если ты теперь ставишь мнѣ на выборъ, съ кѣмъ я теперь хочу итти:—съ тобой или съ Вассерштейномъ, то я уже выбралъ. Я принадлежу къ людямъ, вродѣ Вассерштейна, все равно богаты ли они или бѣдны. Я не могу его ни въ чемъ упрекнуть; точно такъ не могу и тебя похвалить. Вы стоите каждый тамъ, куда васъ поставила ваша исторія. Но нужно пойти дальше! Понимаешь? Дальше, выше! Тогда ты человѣкъ!

Францъ (*поколебленный*). Яковъ, повѣрь мнѣ, я не могу иначе. Если бы ты все зналъ... Я—я хочу отдаться политикѣ.

Яковъ. Ахъ такъ! Антисемитъ? Я поздравляю. Здѣсь въ нихъ нѣтъ недостатка.

Францъ. Нѣтъ, не будь несправедливъ! Но я же не могу дать моимъ врагамъ это оружіе въ руки—то, что я имѣю общеніе со столь многими евреями, съ биржевиками. Сейчасъ скажутъ: орудіе въ рукахъ у евреевъ.

Яковъ (*спокойно*). Это такъ. Ты правъ.

2-ая СЦЕНА.

Францъ, Яковъ, Самуель, г-жа Самуель (*входятъ чрезъ среднюю дверь*).

Г-жа Самуель. Доброе утро!

Яковъ (*спѣшитъ ей навстрѣчу*). Мама!

Г-жа Самуель. А, господинъ Францъ!

Францъ. Какъ поживаете, милостивая государыня, какъ поживаетъ отецъ?

Г-жа Самуель. Слава Богу! А вы?

Самуель. Это друзья! Вы оба! постоянно вмѣстѣ. Это хорошо.

Г-жа Самуель. Нашъ Яковъ—когда онъ говоритъ о васъ, у него отверзаются уста и раскрывается сердце.

Францъ (*смущенный*). Да, да!... Итакъ, я долженъ уже итти.

Г-жа Самуель. Мы помѣшали?

Францъ. Что вамъ приходитъ въ голову, милостивая государыня?

Яковъ. Онъ собирался уходить.

Францъ. Цѣлую руку; имѣю честь кланяться... (*идетъ къ выходу*). Слуга покорный, Яковъ!

Яковъ. Servus! (*провожаетъ его до дверей*).

Францъ (*тихо*). Деньги я сейчасъ тебѣ перешлю.

Яковъ. Какія деньги?

Францъ. Тѣ три тысячи гульденовъ.

Яковъ. Благодарю, но я не могу ими воспользоваться.

Францъ (*смущенный*). Но ты же нуждаешься.

Яковъ. Это тебя больше не касается.

Францъ (*сердито*). А я дуренъ! Я не могъ раньше подумать о томъ, что ты теперь ужъ не возьмешь... Ты, будь благоразуменъ!.. Отъ меня!

Яковъ (*дѣлаетъ молча жестъ отказа*).

Францъ. И какъ разъ сегодня я долженъ былъ сказать!... Восьмью днями позже было бы тоже достаточно времени.

Яковъ (*дружески*). Нѣтъ, тогда было бы слишкомъ поздно. (*Крѣпкимъ голосомъ*). Потому что никакое затрудненіе не можетъ быть для меня бо́льшимъ, нежели быть твоимъ должникомъ.

Францъ (*сердито*). Прощай, Самуель! (*Уходитъ*).

Яковъ. Прощай, Вурулернеръ!

3-ья СЦЕНА.

Яковъ, г-жа Самуель, Самуель.

Г-жа Самуель (*смотритъ на Якова испытующимъ взоромъ*). Съ тобою случилось что-то непріятное!

Яковъ (*весело, но съ усиліемъ надъ собою*). Ничего, мама! Я очень доволенъ.

Самуель Чего ты только не видишь, мать. Взгляни на него—не дай Богъ сглазить.

Г-жа Самуель. Онъ выглядитъ усталымъ; въ этомъ Гермина права.

Яковъ (*смѣется*). Что? Она жаловалась вамъ на меня?

Г-жа Самуель. Да, ты занимаешься и пишешь слишкомъ много.

Самуель. И поэтому мы здѣсь, милый сынъ.

Г-жа Самуель. Яковъ, ты же наше единственное сокровище во всемъ мірѣ. Не утомляй себя такъ, дитя мое. Она говоритъ, что ты слишкомъ много работаешь... Если ты, упаси Боже, заболѣешь...

Яковъ (*смѣясь*). Такая клеветница! Ну, подожди. (*Спѣшитъ къ двери на право*) Гермина!

4-ая СЦЕНА.

Прежніе и Гермина.

Гермина (*справа*). Родители! Да благословитъ васъ Господь! (*обнимаетъ г-жу Самуель*).

Яковъ (*скрещиваетъ руки*). Что я долженъ слышать Ты жалуешься на меня!

Гермина. Да, ты слишкомъ прилеженъ.... Меня онъ не слушается. Поэтому я позвала васъ на помощь.

Самуель. Запасныя силы.

Яковъ. Ни слова правды.

Г-жа Самуель. Нѣтъ, нѣтъ, я это замѣтила тотчасъ при входѣ. Ты утомленъ.

Яковъ. Это было нѣчто другое. Я лучше скажу вамъ это сейчасъ. Францъ простился со мною.

Самуель. Куда онъ ѣдетъ?

Яковъ. Онъ отказывается отъ меня, потому что я вращаюсь среди евреевъ.

Самуель. Среди кого же ты долженъ вращаться?

Гермина. Это низость.

Яковъ. Не говори этого. Обстоятельства сильнѣе человѣка.

Г-жа Самуель. Странно, странно. Сколько лѣтъ онъ

посѣщалъ нашъ домъ. Развѣ онъ когда нибудь встрѣчалъ у насъ что-нибудь несправедливое?

Яковъ. Когда онъ порвалъ свои отношенія со мной, у меня словно оторвалась часть сердца—у него, можетъ быть, также.

Г-жа Самуель. Навѣрно! онъ хорошій человѣкъ.

Самуель. Если дѣло только въ этомъ, рана твоя залѣчится. Благословенъ будь Господь и за это!

Яковъ. Онъ значилъ для меня много, собственно говоря, даже больше, чѣмъ я ему когда либо показывалъ. Мы же мыслимъ только образами. Онъ былъ для меня не только другомъ, онъ былъ для меня и христіаниномъ —согражданиномъ, который охотно имѣлъ общеніе со мной. Это было столь лестно—въ насъ же всегда имѣется кое-что изъ Гетто. Мы благодарны, если съ нами обращаются какъ съ другими людьми. За это я хотѣлъ быть ему благодарнымъ, какъ я подражалъ ему во всемъ, воспринималъ его привычки, насколько могъ, говорилъ его языкомъ, думалъ его мыслями... А онъ оставляетъ меня, онъ попросту оставляетъ меня.

Г-жа Самуель. Если ты не остался вѣрнымъ самому себѣ, дитя мое, ты не долженъ жаловаться, если и другіе перестаютъ быть вѣрнымъ тебѣ.

Яковъ. Ты права, мама! Права, какъ всегда.

Самуель. Еще бы нашъ философъ! Но пойдемъ уже: я уже цѣлый часъ, какъ изъ магазина!

Гермина. Останьтесь все таки еще!

Г-жа Самуель. Мы должны, дитя мое. Мы не должны оставлять магазинъ на такое долгое время.

Самуель. Если подмастерь сдѣлаетъ что-нибудь заказчики говорятъ, что я евреи мошенникъ.

Г-жа Самуель. Ты обѣщаешь мнѣ, Яковъ, что ты не станешь переутомлять себя.

Яковъ. Да, мама (*цѣлуетъ ее*).

Г-жа Самуель (*къ Гермине*). А ты должна мнѣ наблюдать за нимъ!

Гермина (*цѣлуетъ ей руку*). Положись на меня, мама,—если только онъ будетъ слушаться.

Самуель (*кладетъ руку на голову Гермины*). Благословенъ будь за это Господь! (*Уходитъ вмѣстѣ съ*

г-жей Самуель чрезъ среднюю дверь; ихъ провожаютъ Гермина и Яковъ, которые тотчасъ возвращаются).

5-ая СЦЕНА.

Яковъ, Гермина.

Яковъ (*вздыхая*). Это такъ, жаль времени, уходящаго на работу. Если онъ могъ отпасть... (*опускается въ кресло*). Я не знаю, но я кажусь себѣ несчастнѣе и меня охватываетъ легкая дрожь.

Гермина. Потому что господинъ д-ръ Вурулернеръ изволилъ удалиться отъ тебя? (*садится около него*).

Яковъ. Видишь-ли, есть вещи и случаи, когда я тотчасъ забываю: этого я не забуду. Здѣсь что-то надломлено, что не можетъ уже зажить. Бываетъ, что у человѣка что-нибудь надорвется внутри, и каждое движеніе вызываетъ боль. Ты не долженъ больше никогда двигаться—тогда, можетъ быть, станетъ легче. Но тогда ты вѣдь умрешь. (*Короткая пауза*).

Гермина. Моя сестра прислала сказать, чтобы ты ожидалъ Рейнберга.

Яковъ. Такъ?

Гермина. Онъ придетъ къ одиннадцати часамъ.

Яковъ. По мнѣ...

Гермина. Ты относишься недружелюбно къ нему.

Яковъ (*разсѣянно*). Я? Это тебѣ только кажется такъ.

Гермина. Нѣтъ, нѣтъ. Онъ всегда старается сблизиться съ тобой, а ты холоденъ.

Яковъ. Можетъ быть—пожалуй, это возможно. Но я не имѣю ничего противъ него. Это только не мой кругъ, другая атмосфера. Въ ней трудно ужиться. Друзья, съ которыми я жилъ до сихъ поръ были другіе люди.

Гермина (*тихо иронически*). Разсказывай мнѣ о твоихъ друзьяхъ!

Яковъ. Ты совершенно права... (*Горько смѣется*). Они отталкиваютъ меня, они не хотятъ меня больше знать... Этотъ былъ еще наилучшій! И онъ могъ поступить такъ со мною. Ахъ это смѣшно—или грустно.

Прочь еврей! Иди обратно въ Гетто!

Гермина. Я думаю, что ты теперь преувеличиваешь.

Яковъ. Нѣтъ. Гетто—это отчужденность которой я не хочу, которая меня возмущаетъ и которую я долженъ переносить.

Гермина. Переноси его, будь благоразуменъ!

Яковъ. Ну да, представляютъ его себѣ иначе...

Гермина. Если тѣ тамъ не придаютъ тебѣ значеніе, здѣсь, у насъ ты имѣешь значеніе. Взгляни, мои родные всѣ любятъ тебя. Они говорятъ съ уваженіемъ о твоемъ талантѣ и характерѣ. Тебѣ этого недостаточно?

Яковъ *(улыбаясь)*. Ужъ должно быть достаточнымъ.

Гермина. Рейнбергъ возлагаетъ большія надежды на тебя; не будь поэтому рѣзкимъ. Ты же теперь знаешь, какъ пріятенъ отказъ.

Яковъ. Э, да ты умѣешь произносить рѣчи.

Гермина. И если бы ты хотѣлъ что-нибудь имѣть отъ него...

Яковъ. Я не хочу имѣть ничего отъ него.

Гермина. Ахъ, Жакъ, не будь же такимъ... Подумай, ты бы могъ мнѣ доставить радость.

Яковъ. Льстивая кошечка.

Гермина. И если бы ты его—теперь попросилъ, чтобы онъ тебѣ—теперь помогъ...

Яковъ (*смущенно*). Тебѣ извѣстно?...

Гермина. Я догадалась объ этомъ,—когда ты отказался дать мнѣ денегъ на осенній костюмъ.

Яковъ. Неохотно.

Гермина. Скажи ему лишь одно слово, и ты будешь имѣть, сколько тебѣ нужно.

Яковъ. И сколько тебѣ нужно!

Гермина.. Будь добрымъ.

Яковъ. Ты дѣласпьлизъ меня все, что ты хочешь.(*Стучатъ*). Войдите!

6-ая СЦЕНА.

Яковъ, Гермина, Рейнбергъ, Вассерштейнъ.

Рейнбергъ (*входитъ*). Можно?

Гермина. Фрицъ! (*Спѣшитъ на встрѣчу ему*).

Вассерштейнъ (*хорошо одѣтъ, въ новомъ цилиндрѣ, выступаетъ спокойно и самоувѣренно*). Имѣю честь, г-жа Самуель.

Гермина (*улыбаясь*). Взгляни,—господинъ Вассерштейнъ здѣсь.

Вассерштейнъ. Да, я тоже здѣсь—извините мое присутствіе... (*про себя*) Она приводитъ меня всегда въ смущеніе.

Гермина (*тихо Рейнбергу*). Онъ провожаетъ тебя повсюду?

Рейнбергъ (*тихо смѣется*). Конечно! онъ мнѣ нуженъ.

Вассерштейнъ (*привѣтствуетъ почтительно Якова, говоритъ шопотомъ*) Она меня осмѣиваетъ—ваша супруга меня осмѣиваетъ.

Яковъ (*ударяетъ его, улыбаясь, по плечу*). Что вы?

Вассерштейнъ. Если я вамъ говорю. Я вліяю на ея мускулы смѣха.

Рейнбергъ (*обращается къ Якову. Пожатіе руки. Они уходятъ вглубь сцены*).

Гермина (*садится слѣва на авансцену*).

Вассерштейнъ (*приближается къ ней*).

Яковъ (*вполголоса къ Рейнбергу*). Это мнѣ непріятно —поэтому я хочу это тебѣ быстро сообщить.

Рейнбергъ. Говори! (*Говорятъ другъ съ другомъ тихо*).

Вассерштейнъ. На васъ красивый пеньюаръ, г-жа Самуель.

Гермина (*смѣется*). Вы находите?

Вассерштейнъ (*про себя*). Чтобы я ни сказалъ, она смѣется.

Рейнбергъ (*вынимаетъ свой бумажникъ*). Я имѣю при себѣ недостаточно... (*оборачивается*) господинъ Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Господинъ Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Можете ли вы дать мнѣ взаймы 1500 гульденовъ?

Вассерштейнъ. Могу ли я? (*Вытаскиваетъ изъ жилетнаго кармана кучку банковыхъ билетовъ, подаетъ нѣсколько изъ нихъ Рейнбергу*).

Рейнбергъ. Черезъ полчаса я вамъ ихъ возвращу, господинъ Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ (*съ важнымъ видомъ*). Это не къ спѣху, господинъ Рейнбергъ (*косится въ сторону Германы, чтобы наблюдать за произведеннымъ на нее впечатлѣніемъ*)

Рейнбергъ. Германочка, мы должны говорить о дѣлахъ.

Германна (*встаетъ*). Итакъ, я должна?... (*Проходя мимо, тихо Рейнбергу*). Жаль, я могла бы не много посмѣяться надъ Вассерштейномъ.

Рейнбергъ (*также тихо*). Респектъ! Восемь дней назадъ онъ заработалъ сто тысячъ гульденовъ на углях.

Германна. Это импонируетъ тебѣ!... (*идетъ къ Якову, который прячетъ деньги Рейнберга*). Жакъ!

Жакъ Ну?

Рейнбергъ (*подходитъ къ Вассерштейну*).

Германна. Дашь ты мнѣ что нибудь изъ нихъ?

Яковъ (*даетъ ей денегъ*). Вотъ!

Германна. И ты не сердишься изъ-за моей страсти наряжаться?

Яковъ (*улыбаясь*). Расточительница!

Германна. Мнѣ пришла въ голову превосходная идея относительно моего зимняго платья. Шотландскій костюмъ съ красной отдѣлкой! Ты будешь изумленъ! (*Улыбаясь, уходитъ направо*).

7-ая СЦЕНА.

Яковъ, Вассерштейнъ, Рейнбергъ.

Яковъ (*вполголоса къ Рейнбергу*). Я надѣюсь, что смогу тебѣ вскорѣ уплатить. Даешь ты мнѣ срокъ въ три мѣсяца?

Рейнбергъ. Мой милый Жакъ, ты этихъ денегъ мнѣ, вообще не возвратишь.

Яковъ. Ого!

Рейнбергъ. Это можетъ служить авансомъ того, что ты заработаешь у меня.

Яковъ (*недовѣрчиво*) Какъ адвокатъ?

Рейнбергъ. Какъ адвокатъ!.. Зарабатывать и давать другимъ возможность зарабатывать—это мой девизъ. Я хочу жить, ты долженъ жить...

Вассерштейнъ. Мы должны всѣ жить—и быть здоровыми!

Рейнбергъ. Я тебѣ разъясню, въ чемъ гешевтъ.

Яковъ. Я не дѣлаю никакихъ гешефтовъ.

Рейнбергъ. Дашь ты мнѣ договорить?.. Садись у твоего письменнаго стола. Ты долженъ будешь кое-что записывать, дабы ты могъ составить контрактъ.

Яковъ (*успокоенный*). А, контрактъ! (*садится*).

8-ая СЦЕНА.

Прежніе, Стряпчій.

Стряпчій (*изъ средней двери*). Господинъ докторъ какой-то человѣкъ хочетъ съ вами говорить.

Яковъ. Какъ зовутъ его?

Стряпчій. Ведникъ или Вьедникъ—онъ словакъ.

Яковъ. Я его не знаю. Попросите его подождать.

Стряпчій. Хорошо (*уходитъ*).

Яковъ (*къ Рейнбергу*). Итакъ къ дѣлу!

Рейнбергъ (*старается говорить, словно ораторъ*). Ты можетъ быть, слышалъ, что настала великая угольная эпоха.

Вассерштейнъ. Великолѣпная!

Рейнбергъ. Я былъ въ этихъ мѣстахъ первый, кто ею воспользовался.

Вассерштейнъ. А я второй.

Рейнбергъ (*въжливо*). Прошу васъ, господинъ Вассерштейнъ, не перебивайте меня.., (*къ Якову*). Еще прежде чѣмъ кто-либо думалъ объ угольныхъ акціяхъ, я уже закупалъ втайнѣ массу ихъ. При этомъ я при помощи Вассерштейна съ шумомъ продавалъ ихъ. А всѣ

слѣдовали за мной,

Вассерштейнъ. Только не я... Ну развѣ я оселъ, господинъ Рейнбергъ?

Рейнбергъ (*съ уваженіемъ*). Нѣтъ, господинъ Вассерштейнъ.. (*къ Якову*). Кромѣ того, я позволилъ заложить у меня угольныя кони Шромма въ Дубницѣ.

Яковъ (*непріятно пораженъ*) Ротмистръ Шроммъ?

Рейнбергъ. Да. Угольныя кони Шромма существуютъ при особенныхъ обстоятельствахъ. Старый Шроммъ былъ бюргеромъ изъ Лейбаха и сталъ благодаря Дубницкимъ конямъ богатымъ. Когда онъ умеръ, его богатство наслѣдовали двое дѣтей. Сынъ его дворянинъ, а дочь замужемъ за дворянином. Ротмистръ содержитъ дорого стоющія конюшни скаковыхъ лошадей, а его шуринъ, графъ Вюлькенау проигрываетъ въ карты все то, что ему оставляютъ балерины. Такимъ образомъ, они въ теченіи десяти лѣтъ только и брали деньги изъ доходовъ коней, но ничего въ нихъ не вкладывали. Скверное веденіе дѣла, старыя машины, хищническая разработка—что ты только хочешь. Словомъ, кони совершенно запущены. Но онѣ приносятъ все-таки много.

Яковъ Я понимаю: ты долженъ уррегулировать это дѣло.

Рейнбергъ (*удивленный*). Я?

Вассерштейнъ. Какъ можетъ это ему придти въ голову?

Рейнбергъ. Я хочу изъ коней сдѣлать акціонерное общество. Время самое удобное. Теперь набрасываются на угольныя акціи. А ротмистръ былъ бы весьма радъ если бы онъ отдѣлался отъ копей.

Яковъ. Почему радъ? Ты же говоришь, онѣ приносятъ много.

Рейнбергъ. Да, да—только онъ долженъ теперь вложить въ дѣло много денегъ, если онъ хочетъ удержать кони за собой. Такія запущенныя кони—это скверная вещь. Если сегодня упускаютъ изъ вниманія и не принимаютъ мѣръ, приходится завтра уплатить вдвое дороже, а послѣ завтра вчетверо. Если бы онъ хотѣлъ теперь ввести всѣ необходимыя улучшенія, онъ

долженъ былъ бы продать свои конюшни. А онъ еще имѣетъ кромѣ того долги. Точно также и Вюлькенау. Поэтому они хотятъ, чтобы я основалъ общество.

Яковъ. Они поручили тебѣ?

Рейнбергъ. Конечно! Меня знаютъ!

Яковъ. Какова моя роль при этомъ?

Рейнбергъ. Ты долженъ выработать статуты акціонернаго общества.

Яковъ. Извѣстно ли объ этомъ ротмистру Шромму? Ты называлъ мое имя?

Рейнбергъ. Конечно.

Яковъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ?

Рейнбергъ. Нѣтъ.

Вассерштейнъ. Что можетъ онъ имѣть противъ?

Яковъ. Я полагаю—потому что я твой шуринъ... Что я могу больше думать о твоихъ интересахъ, чѣмъ о его.

Рейнбергъ. Онъ дастъ это все просмотрѣть своему адвокату.

Яковъ. Вотъ это хорошо.

Рейнбергъ. Все также ясно. Капитала—три милліона. Шроммъ, Вюлькенау и я составляемъ синдикатъ. Каждый получаетъ треть акцій.

Яковъ. Ты также? За что получаешь ты треть?

Рейнбергъ. За деньги—за хорошіе деньги! Я плачу наличными одинъ милліонъ—при томъ условіи, если я беру акціи.

Яковъ. Отъ чего же это зависитъ?

Рейнбергъ. Отъ биржеваго курса на эти акціи.

Вассерштейнъ. Я вамъ это объясню, господинъ докторъ. Какъ я вижу, вы на биржѣ не какъ у себя дома.

Яковъ (*улыбаясь*). Нѣтъ.

Вассерштейнъ. Удивительно!.. Такъ слушайте: Рейнбергъ получаетъ отъ Шромма и Вюлькенау за свой трудъ...

Яковъ. За какой трудъ?

Вассерштейнъ. Ланспировать акціи... Вы думаете, что это шутка?.. Онъ получаетъ такимъ образомъ за свои труды право взять себѣ треть акцій.

Рейнбергъ. Двѣ тысячи штукъ по пятисотъ гульденовъ.

Вассерштейнъ. Акціи будутъ введены... Теперь слушайте внимательно, господинъ докторъ! Если акціи повышаются, Рейнбергъ беретъ свои; если акціи падаютъ, Рейнбергъ не беретъ своихъ.

Рейнбергъ. Но я долженъ заявить объ этомъ въ теченіи четырнадцати дней послѣ выпуска акцій. Если они подымутся на пятьдесятъ гульденовъ, то я зарабатываю двѣ тысячи разъ по пятидесяти.

Вассерштейнъ. Другими словами: сто тысячъ гульденовъ.

Рейнбергъ. Если же они упадутъ хотя бы на одинъ гульденъ, то я ихъ не беру: ничего не зарабатываю и ничего не теряю.

Вассерштейнъ. Шроммъ дѣлаетъ при этомъ превосходныя дѣла.

Рейнбергъ. Моя помощь ему ничего не стоитъ. Моя часть будетъ на биржѣ перевѣшена. А онъ получаетъ три милліона за Дубницъ, который не стоитъ и двухъ.

Яковъ. Но все же, если акціи будутъ продаваться по выпускной цѣнѣ?

Вассерштейнъ. Это же естественно. Но теперь гонятся за угольными акціями... Что вы за мину дѣлаете господинъ докторъ?

Яковъ. Я не хочу скрывать моего мнѣнія. Я противъ подобныхъ дѣлъ.

Вассерштейнъ. Что значитъ: противъ?

Рейнбергъ. Ахъ такъ! Ты врагъ биржи?

Яковъ. Нѣтъ, я не врагъ. Я понимаю значеніе этого учрежденія. Биржа даетъ государству средства для различныхъ цѣлей. Она строитъ желѣзныя дороги, помогаетъ тому, чтобы предпріятія были продуктивны, регулируетъ соотношенія между богатыми странами и бѣдными.

Вассерштейнъ (*воодушевленно*). Великолѣпно! Я этого даже не зналъ.

Яковъ (*улыбаясь*). Да, господинъ Вассерштейнъ, вы не знаете какую вы приносите пользу и какой вредъ.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Вассерштейнъ. Какъ же я врежу,—если я приношу пользу.

Яковъ. Вы вредите самому себѣ.

Вассерштейнъ. Простите, но я теперь въ выигрышѣ.

Яковъ. Вы меня не понимаете? Вы вредите намъ! Евреямъ! потому что эти большія движенія денегъ губятъ также людей. А жертвы жалуются на евреевъ... Кто достаточно великъ, чтобы прослѣдить связь вещей? Люди видятъ только людей... Поэтому я сожалѣю, если мои родственники торчатъ на биржѣ.

Рейнбергъ (*насмѣшливо къ Вассерштейну*). Пойдемте, я ликвидирую мои дѣла... послѣ такой проповѣди!

Яковъ. Я не дѣлаю никому упрека.

Рейнбергъ. Скажи просто, что ты не хочешь заняться моимъ дѣломъ. Я возьму себѣ другого адвоката.

Яковъ. Стой! Этого я не хочу.

Вассерштейнъ (*говоритъ, улыбаясь, тихо Рейнбергу*). Онъ все-таки не хочетъ лишиться заработка.

Яковъ. Я имѣю особое основаніе,—личное, чтобы урегулировать твое дѣло съ Шроммомъ.

Рейнбергъ. Хорошо.

Яковъ. Онъ долженъ видѣть, что имѣетъ дѣло съ порядочными людьми.

Рейнбергъ. Шроммъ это знаетъ.

Яковъ. Которые не хотятъ причинить ему вреда.

Рейнбергъ. Вѣрно.

Яковъ. Я займусь этимъ дѣломъ отъ начала до конца.

Рейнбергъ (*подаетъ ему руку*). По рукамъ!

Вассерштейнъ (*смотритъ на свои часы*). Боже мой!

Рейнбергъ. Что такое?

Вассерштейнъ. Часъ биржи!.. Развѣ у насъ нѣтъ другихъ заботъ, кромѣ философствованія?.. Я иду—мое призваніе: быть биржевикомъ. Если вы хотите еще здѣсь оставаться,—я стою на раскаленныхъ угольяхъ,—что я купилъ... Прощайте, господинъ докторъ! (*Быстро уходитъ*).

Рейнбергъ. Подождите, господинъ Вассерштейнъ! (*киваетъ головой Якову, стышитъ выйти*).

9-ая СЦЕНА.

Яковъ, Стряпчій. Ведникъ.

Яковъ (*одинъ*). Я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы ничего небыло сдѣлано безъ вѣдома ротмистра!.. (*садится у своего письменнаостола*).

Стряпчій (*входитъ изъ средней двери*). Должевъ ли я послать теперь этого человѣка сюда?

Яковъ. Ахъ да! Само собой разумѣется! Тотчасъ же!

Стряпчій (*открываетъ среднюю дверь, зоветъ Ведника и потомъ уходитъ*).

Ведникъ (*рабочій, полу—инвалидъ; смущенный и неувѣренный, онъ вертитъ шляпу въ рукахъ*).

Яковъ (*дружелюбно*) Что вамъ угодно?

Ведникъ (*грубымъ голосомъ, съ сильнымъ славянскимъ акцентомъ*). Они меня сюда послали—наши рабочіе изъ Дубница.

Яковъ (*насторожившется*). Откуда?

Ведникъ. Изъ Дубница—угольныя коши...

Яковъ. Господина фонъ— Шромма?

Ведникъ. Да господинъ.

Яковъ Садитесь, пожалуйста

Ведникъ. Я Ведникъ, Петръ. Они меня сюда послали, потому что я говорю хорошо по нѣмецки. Потому что намъ скверно, очень скверно, мы и рѣшили спросить адвоката при судѣ въ Вѣнѣ. Тутъ васъ называли потому что вы защищаете рабочихъ... Наша касса имѣетъ пару гульденовъ (*насторожившись и боязливо*). Будетъ дорого стоить?

Яковъ. Моя помощь? Она не будетъ совсѣмъ стоить.

Ведникъ (*облегченно*). Хорошо господинъ!.. Намъ уже сказали, что у Васъ ничего не стоитъ... Мы уже принесли жертву для моей поѣздки. Стоитъ семь гуль-

деновъ, цѣлаго недѣльнаго заработка... Я записался больнымъ. Я часто боленъ (*лукаво*). Поэтому повѣрятъ. Никто не пойдетъ въ Старый Дубницъ, чтобы посмотрѣть... Управляющій не долженъ знать, что я уѣхалъ. Иначе все пропало

Яковъ. Отъ меня объ этомъ никто не узнаетъ.

Ведникъ. Управляющій злой человѣкъ! Суровый по отношенію къ намъ—суровый! Сейчасъ штрафы; выгоняетъ со службы изъ-за пустяка. Потомъ голодаютъ дѣти—и врослые тоже.

Яковъ. Жаловались ли вы уже господину фонъ-Шромму?

Ведникъ (*улыбается слабо*). Это ни къ чему не ведетъ!.. Милостивый господинъ посылаетъ петиціи обратно управляющему, потому что имѣетъ довѣріе... А потомъ управляющій злой. Ни къ чему не ведетъ!.. Милостивый господинъ добръ: посылаетъ всегда деньги, когда случается несчастіе. Хорошій господинъ—нечего сказать. Но управляющій скверный.

Яковъ. Милый другъ, вы должны мнѣ описать обстоятельства ясно, иначе я не могу вамъ ни посовѣтовать, ни помочь... (*вздыхаетъ*), если только я, вообще, могу вамъ помочь.

Ведникъ (*чешетъ себѣ затылокъ*). Съ чего я долженъ начать?.. Долженъ я встать въ четыре часа утромъ, имѣю я итти два часа отъ Стараго Дубница до Дубница-копей... Одна шахта называется Розамунда... Наше послѣднее несчастіе было въ Розамундѣ. Тамъ немного исправляли... Не много. И больше не осмѣливались уже въ Розамундѣ дѣлать взрывы... (*Тише, сдавленнье*). Тамъ можно только молотомъ работать—иначе!.. А теперь управляющій приказываетъ снова взрывать... Тамъ можемъ мы всѣ разомъ остаться.

Яковъ (*вскакивая*). Вашей жизни грозитъ опасность?

Ведникъ. Каждый день... Мы жаловались управляющему, но онъ показалъ намъ приказъ милостиваго хозяина: „взрывать“!.. Милостивый хозяинъ не знаетъ вѣдь, что такое Розамунда!.. Онъ добрый хозяинъ! но никогда не пріѣзжаетъ въ Дубницъ. Теперь сказалъ

намъ управляющій, что нужно много добивать, потому что милостивый хозяинъ хочетъ продать Дубницъ!

Яковъ (*смѣется иронически*). Ахъ, да чтобы имѣть возможность показать крупный доходъ. (*Ходитъ въ возбужденіи по комнатѣ*). Дальше, дальше!

Ведникъ. Ничего дальше. Конецъ...

Яковъ. *Ужасно*... Я еще не знаю, что я сдѣлаю. Но что-нибудь да произойдетъ: положитесь на меня!

Ведникъ. Я долженъ сейчасъ ѣхать обратно. Какой отвѣтъ я долженъ дать, господинъ?

Яковъ. Когда отходитъ поѣздъ?

Ведникъ. Вечеромъ, въ семь часовъ.

Яковъ. Ожидайте меня на вокзалѣ. Я вамъ помогу.

Ведникъ. Да вознаградитъ васъ Господь тысячу разъ, господинъ! (*хочетъ ему поцѣловать руку*).

Яковъ (*отрываетъ руку*). Идите и ожидайте меня!

Ведникъ (*уходитъ*)

10-ая СЦЕНА.

Яковъ, Гермина.

Яковъ (*быстро вынимаетъ изъ ящика столи деньги, полученныя имъ отъ Рейнберга, бросаетъ ихъ на столъ кричитъ направо*). Гермина! Гермина! (*такъ какъ она не приходитъ, онъ бросается къ двери, рѣзко растворяетъ ее и кричитъ громче*). Гермина!

Гермина (*съ выраженіемъ удовольствія на лицѣ*) Жакъ! что ты хочешь? (*замѣчаетъ его возбужденіе*). Что съ тобою?

Яковъ (*хитро*). Дай сюда деньги!

Гермина. О чемъ говоришь ты?

Яковъ. Деньги твоего шурина! Пятьсотъ гульденовъ. Дай ихъ сюда!

Гермина (*слезливо*). Что это съ тобой, Жакъ?

Яковъ. Скорѣй! Давай ихъ сюда! Такія деньги не останутся въ моемъ домѣ. Я брошу ему ихъ обратно... (*сильно вспыливши*). Женщина! дашь ли ты ихъ сію минуту.

Гермина (*испуганно вынимаетъ банковые билеты и подаетъ ему, дрожа*).

Яковъ (*успокоившись*). Хорошо. (*Кладетъ всѣ деньги въ конвертъ и заклеиваетъ его*). Это стрянчій доставитъ твоему шурину еще до моего отъѣзда... Я уѣзжаю.

Гермина (*все еще винъ себя*). Куда?

Яковъ (*воодушевленный подымаетъ руку и дѣлаетъ угрожающій жестъ*). Въ Дубницъ!

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Третій актъ.

Маленькій салонъ у Рейнберга элегантно, но не во вкусѣ рагенп. Все скромно, но драгоцѣнно. Настоящія гобелены. Хорошая мебель въ стилѣ Empire, но не особенно много предметовъ. Нѣсколько статуетокъ изъ бронзы и мрамора. На пюнитрѣ драгоцѣнная картина.—Въ глубинѣ сцены зимній садъ.—Три двери.

1-ая СЦЕНА.

Вассерштейнъ, Гермина, Шарлотта (*входятъ въ салонъ изъ зимняго сада. Полутемно*).

Вассерштейнъ (*одѣтъ въ высшей степени элегантно, стоитъ у двери и смотритъ назадъ*). Я прикажу, чтобы для меня устроили такой же зимній садъ. Какъ это называется? Пальмы, мордихеи?

Шарлотта. Орхидеи.

Вассерштейнъ. Я приглю сюда моего обойщика —если вы позволите, госпожа Рейнбергъ.

Шарлотта. Лучше ужъ садовника.

Вассерштейнъ. Также могу... Но я все предоставилъ обойщику. Я сказалъ ему: устройте мнѣ эти шесть комнатъ.

Гермина (*смѣется*). Хватитъ ли для васъ тамъ мѣста?

Вассерштейнъ. Я скромный человѣкъ. И я не хочу обставить свою квартиру, словно parvenu. Сколько стоитъ, столько стоитъ. Онъ составилъ для меня смѣту.

Шарлотта. Много? (*поворачиваетъ кнопку; электричество ярко освѣщаетъ салонъ*).

Вассерштейнъ (*небрежно*). Нѣтъ. Шестьдесятъ три тысячи гульденовъ, считая картины и художественныя произведенія. Мнѣ остается только перебраться.

Шарлотта. Вы собрастесь, вѣроятно, жениться, господинъ Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ. Что значитъ женится? Если бы я хотѣлъ жениться, я нанялъ бы большую квартиру. Нѣтъ, милостивыя государыни, Эмануель Вассерштейнъ ужъ никогда больше не женится. (*Смотритъ на Гермину элегическимъ взоромъ*). Эмануелъ Вассерштейнъ одинъ разъ любилъ и никогда больше. (*Садится, класть одну ногу на другую*)

Гермина. Это звучитъ очень грустно.

Вассерштейнъ (*печально*). Это такъ. Ну, что я имѣю теперь отъ того, что я въ выигрышѣ?.. Я могу устроиться удобно. Но дальше!.. Я неудачникъ...

2-ая СЦЕНА.

Прежніе. Слуга, позже **Бихлеръ**.

Слуга (*входитъ слѣва; на немъ черный фракъ и бѣлый галстукъ*). Ваша милость, господинъ докторъ Бихлеръ здѣсь.

Шарлотта. Просите. А затѣмъ сервируйте чай.

Слуга (*изчезаетъ на одинъ моментъ налѣво, затѣмъ возвращается вслѣдъ за Бихлеромъ, запираетъ зимній садъ и позже приноситъ чай.*

Вассерштейнъ. Я буду также его консультировать.

Гермина. Кон...

Вассерштейнъ. Какъ?

Гермина. Консультировать.

Вассерштейнъ. Пусть будетъ кон—сультировать.

Бихлеръ (*входитъ слѣва, съ газетой въ рукѣ привѣтствуетъ коротко*). Дѣти здоровы? Кто же пацiентъ?

Шарлотта. Я. (*Приглашаетъ его сѣсть*). Но мнѣ уже лучше.

Бихлеръ (*ворчитъ*). Съ тѣхъ поръ какъ вы за мной послали? Такъ всегда (*садится*).

Шарлота. Да. У меня мигрень... Прошло уже.

Бихлеръ. Тѣмъ лучше. Я прихожу еще охотнѣе къ здоровымъ.

Вассерштейнъ (*который остался на своемъ мѣстѣ*). Это мнѣ нравится. Вотъ это докторъ! господинъ докторъ, вы должны стать моимъ домашнимъ врачемъ.

Бихлеръ (*смотритъ на него черезъ очки*). А?

Вассерштейнъ Право! Съ тѣхъ поръ какъ мои дѣла хорошо идутъ, мнѣ каждую минуту что-нибудь да болитъ.

Бихлеръ (*насмѣшливо-услужливо*). Я весь къ вашимъ услугамъ... (*къ Гермине*) Вашъ мужъ уже возвратился?

Гермина. Изъ Дубнина? Да. Еще позавчера. И въ какомъ возбужденномъ состоянiи!

Бихлеръ. Это же легко понятно. Все то было ужасно.

Шарлотта. Вы говорите о несчастьи въ копяхъ?

Бихлеръ. Я въ моей жизни видѣлъ много страданiй и болѣзней,—(*подымаетъ руку съ газетой вверхъ*) но когда я это читаю я весь дрожу.

Вассерштейнъ. У насъ здѣсь вечерняя газета? (*беретъ у него изъ руки номеръ газеты и быстро просматриваетъ его*). Твердо!.. Спасибо (*возвращаетъ газету обратно*).

Бихлеръ, Когда я только что сюда пріѣхалъ, я чталъ корреспонденцiю оттуда.

Шарлотта. Есть что либо новое?

Бихлеръ. Нѣтъ, все обстоятельства, которыя из-

въ теченіи восьми дней. Есть только болѣе подробное описаніе событія... Одинъ репортеръ говорилъ въ госпиталѣ съ однимъ изъ тяжело раненныхъ... (*читаетъ по газетѣ*) Разсказъ Петра Ведника: „мы спустились внизъ полъ часа назадъ и работали въ лѣвой верхней штольнѣ Розамунды. Я еще говорилъ съ рабочими, которые стояли вблизи меня. Мы не знали, что внизу будутъ взрывать. Вдругъ слышимъ мы грохотъ. Мы всѣ бросаемъ инструменты и бѣжимъ къ подъемной машинѣ. За мною нѣкоторые спотыкаются; когда мы достигли перекрестка,—бѣгутъ они уже со всѣхъ сторонъ. Они кричатъ: „нижній отрядъ погибъ". Тамъ мой сынъ. Я пытаюсь пробраться къ нему... Тогда они кричатъ: „Вода наступаетъ!" Они хотятъ меня задержать. Я вырываюсь и бѣгу. Но какъ только я прибѣжалъ къ подмосткамъ, они провалились; а потомъ меня вытащили изъ подъ балокъ и привезли наверхъ... Слѣдуетъ описаніе ранъ. (*Пауза*).

Гермина. Бѣдный!

Вассерштейнъ (*тихо, возбужденно*). Это разрываетъ мнѣ сердце.

Бихлеръ. Постъ-скриптумъ. По телеграфу сообщаютъ, что Петръ Ведникъ также умеръ изъ-за полученныхъ имъ ранъ. (*Складываетъ номеръ газеты*).

Гермина (*оттираетъ слезы изъ глазъ*). Мой мужъ разсказалъ мнѣ обо всемъ этомъ. Этотъ рабочій былъ шесть недѣль назадъ у него. Тогда Жакъ поѣхалъ въ первый разъ въ Дубницъ, чтобы вести дѣло рабочихъ.

Бихлеръ. Да, говорятъ, что онъ возбудилъ ихъ къ стачкѣ.

Вассерштейнъ (*возбужденно*). Простите, но стачка началась лишь тогда, когда д-ръ Самуель уже здѣсь былъ.

Бихлеръ. Откуда вы это знаете?

Вассерштейнъ. Стачка началась четыре недѣли назадъ, послѣ то какъ Розамундовскія акціи уже введены были на биржѣ.

Бихлеръ. Черезъ три недѣли рабочіе должны были снова спуститься въ шахту. Но во время ихъ от-

сутствія вода работала подкашивалась... И когда они снова пришли...

Вассерштейнъ. Я совершенно растроганъ. Но кто отвѣчаетъ за это?

Бихлеръ (*подымается съ серьезной миной на лицѣ*). Вотъ это-то и вопросъ!

Шарлотта. Вы все таки выпьете еще одну чашку чаю съ нами (*предлагаетъ ему чашку чаю*).

Бихлеръ. Спасибо, но я спѣшу... (*къ Гермине*) Поклонитесь вашему мужу отъ меня! (*Кланяется*).

Вассерштейнъ. Да благословитъ васъ Господь, господинъ докторъ!

Бихлеръ (*уходитъ*).

3-ая СЦЕНА.

Шарлотта, Гермина, Вассерштейнъ за чайнымъ столикомъ; позже **слуга.**

Гермина. Со времени этой исторіи Жакъ совершенно внѣ себя. Днемъ и ночью онъ не думаетъ ни о чемъ другомъ.

Шарлотта. Твой мужъ—сумасбродный человѣкъ; при Вассерштейнѣ можно же это сказать.

Вассерштейнъ. Пожалуйста, при мнѣ вы можете все сказать. (*Прихлебываетъ чай*).

Гермина. Ты называешь сумасброднымъ того человѣка, который заступается за бѣдныхъ!

Вассерштейнъ. Я говорю вамъ, что я тоже принялъ близко къ сердцу это несчастье въ копяхъ. Я былъ настолько потрясенъ, что я пошелъ на биржу и продалъ всѣ свои угольныя акціи. Я не хочу ничего болѣе знать объ углях, если при этомъ погибаютъ люди... И случай хотѣлъ, чтобы мое сердце вѣрно угадало. Я продалъ при высшихъ курсахъ. Потомъ онѣ упали въ цѣнѣ... А! подумалъ я себѣ: вотъ это какъ! И я устроилъ контръ—мину и продавалъ и продавалъ... И это было хорошо. Это было очень хорошо... Я возьму еще одинъ буттербродъ съ печеночной колбасой, да?

Слуга (*слышит*). Здѣсь ротмистръ фонъ-Шроммъ.

Шарлотта. Просите.

Слуга. Онъ приходитъ не къ милостивой госпожѣ, говоритъ онъ,—но къ милостивому господину.

Шарлотта (*злится*). Моего мужа нѣтъ дома.

Слуга. Я ему сказалъ это. Онъ прикрикнулъ на меня, чтобы я хорошо разузналъ. Если господинъ теперь внѣ дома, то господинъ ротмистръ придетъ черезъ часъ.

Шарлотта (*пожимая плечами*). Пусть будетъ такъ.

Слуга (*уходитъ*).

Вассерштейнъ (*чешетъ свой затылокъ*). Ну, это будетъ Рейнбергу непріятно.

Шарлотта. Почему?

Вассерштейнъ. Развѣ вы не знаете?

Шарлотта Мой мужъ никогда не говоритъ со мной о своихъ дѣлахъ. Что такое со Шроммомъ?

Вассерштейнъ. Ротмистръ руинированъ.

Шарлотта. Неужели?

Гермина. Изъ-за несчастья въ копяхъ?

Вассерштейнъ (*жуетъ*). Не прямо изъ-за несчастья въ копяхъ, но это имѣетъ съ нимъ связь... Шроммъ и его шуринъ нуждались въ деньгахъ. Когда, значитъ, Розамундовскія акціи были выпущены.

Шарлотта. Они ихъ продали?

Вассерштейнъ. Нѣтъ. Было условлено, что они ихъ не должны сейчасъ продавать,—потому что этимъ они оказали бы давленіе на курсъ. Потому они взяли и заложили свои акціи въ одномъ банкѣ.

Гермина. Что это значитъ?

Вассерштейнъ. Они взяли подъ залогъ акцій деньги—въ общемъ, четверть милліона. Этими деньгами они уплатили свои долги. Вдругъ началась стачка. Тогда нельзя было найти для Розумондовскихъ акцій ни одного покупателя. Но курсъ держался—мы его держали, Рейнбергъ и я. Вдругъ случилось это несчастье въ копяхъ. Я тогда устранился совершенно отъ этого дѣла, и, какъ мнѣ кажется, Рейнбергъ также. Акціи потеряли всякую цѣну. Банкъ не былъ болѣе

обезпеченъ и потребовалъ отъ Шромма, чтобы онъ возвратилъ взятыя въ банкѣ деньги, а не то заложенныя имъ акціи будутъ проданы. Онъ не могъ уплатить долга,—и поэтому его акціи проданы были на биржѣ за безцѣнокъ... Теперь у него нѣтъ ни акцій, ни копей.

Шарлотта. Ахъ, жаль!

Вассерштейнъ. Это меня не касается... Я попрошу у васъ еще ложечку икры.

Гермина. Знаетъ ли мой мужъ объ этомъ?

Вассерштейнъ. Почему бы ему этого не знать? Каждый знаетъ это.

4-ая СЦЕНА.

Прежніе, Яковъ, Фридгеймеръ.

Яковъ (*входитъ слѣва*). Идите, идите, г-нъ докторъ. Мы можемъ войти и безъ доклада.

Шарлотта. Ахъ, г. докторъ! (*Идетъ навстрѣчу Фридгеймеру*). Рѣдкій гость! (*Всѣ встаютъ*).

Фридгеймеръ (*пожимаетъ ей руку*).

Вассерштейнъ. Имѣю честь, г-нъ докторъ.

Фридгеймеръ (*киваетъ ему головой; къ Шарлоттѣ*) Г-на Рейнберга нѣтъ дома?

Шарлотта. Его еще нѣтъ.

Вассерштейнъ. Онъ, навѣрно въ клубѣ. Телефонировать ему?

Яковъ. Да.

Шарлотта. Слуга передастъ по телефону.

Яковъ (*тихо Шарлоттѣ*). Пусть пойдетъ Вассерштейнъ — и мы хотѣли-бы, вообще, остаться одни.

Вассерштейнъ. Такъ телефонировать?

Шарлотта. Пожалуйста!

Вассерштейнъ. Лечу. (*Уходитъ направо*).

Гермина (*нѣжно*). Жакъ, ты меня не поцѣловалъ.

Яковъ. Прости, мое сокровище (*цѣлуетъ ее въ лобъ*)

Гермина. Происходитъ нѣчто важное. Я вижу это по тебѣ.

Яковъ. Сдѣлайте мнѣ одолженіе и оставайтесь съ Вассерштейномъ тамъ или уйдите его.

Шарлотта. Этого нельзя будетъ сдѣлать. Фрицъ просилъ его сюда придти.

Гермина (*тихо Якову*). Мнѣ страшно. Съ тобой случилось что-либо непріятное.

Яковъ (*также тихо*). Будь совершенно спокойна. Со мной лично ничего. Даю тебѣ въ томъ слово!

Вассерштейнъ (*возвратившись*). Я телефонировалъ. Онъ ѣдетъ.

Шарлотта. Спасибо... Не хотите ли вы выкурить сигару?

Вассерштейнъ. Я курю—я не курю, какъ вы желаете.

Шарлотта. Такъ выйдемте туда.

Вассерштейнъ. Въ зимній садъ? О, съ удовольствіемъ. (*Уходитъ съ Шарлоттой черезъ среднюю дверь*).

Яковъ (*Гермине*). Иди и ты, дитя мое! (*Ведетъ ее до стеклянной двери, которую и затираетъ за нею.*)

Фрейдгеймеръ (*садится сзади на авансценѣ*). Такъ это было все ужасно?

Яковъ (*возвратившись на декламаторскую*). Нельзя описать; невозможно передать. Когда я пріѣхалъ, вытаскивали какъ разъ трупы. Предъ спускомъ въ шахту, которая называется Розамундой, стояли женщины и кричали, стонали, визжали, а нѣкоторыя были нѣмы. На этихъ я просто не могъ глядѣть... Ахъ, эти картины останутся навсегда предъ моими глазами. Все черно. Угольная пыль окутываетъ все въ трауръ. Лохмотья, которыя были на нихъ, также были темнаго цвѣта изъ-за углей. А рѣзкій осенній вѣтеръ продуваетъ сквозь тряпки, такъ что ихъ худыя тѣла мерзнутъ. Даже небо какое-то темно-сѣрое. А какія дѣти у нихъ—это приводитъ въ ужасъ. Маленькія дѣти—они уже имѣютъ серьезныя, старческія лица... (*Закрываетъ лицо руками*).

Фрейдгеймеръ. Мой молодой другъ, никто не страдаетъ больше, нежели онъ въ состояніи чувствовать. Это Богъ мудро устроилъ. Кто ходитъ безъ сапогъ, тотъ

имѣетъ на подошвахъ толстую кожу.

Яковъ. Развѣ же это утѣшеніе?

Фридгеймеръ. Бѣдности и несчастья теперь не больше, чѣмъ было прежде. На оборотъ, становится лучше.

Яковъ (*садится*). Итакъ, только глядѣть, ничего не дѣлать, предоставить всему свободный ходъ?

Фридгеймеръ. Терпѣніе!.. То, что вы имѣете съ Рейнбергомъ, я одобряю. Изъ-за этого я пришелъ сюда съ вами... Но на этомъ кончается также и ваша задача.

Яковъ. А я говорю, что она съ этого только начинается.

Фридгеймеръ. Это безуміе! Будьте еще рады, если васъ оставятъ въ покоѣ. Вы хотите заступаться за другихъ, — кто заступается за васъ, мой молодой другъ?

Яковъ. Я не хочу принять это въ соображеніе

Фридгеймеръ. По какому праву вмѣшиваетесь вы въ дѣла рабочихъ въ копяхъ?

Яковъ. Я адвокатъ.

Фридгеймеръ. Позвольте разсказать вамъ одну исторію. Я нашелъ ее въ одной старой еврейской хроникѣ равви Іошуа изъ Шпейера. Онъ писалъ свою хронику во время одного изъ многихъ изгнаній евреевъ изъ земель по берегамъ Рейна, гдѣ-то на пути во время бѣгства. Равви Іошуа пишетъ: въ мѣсяцъ Аба года 5143— по христіанскому счисленію въ четырнадцатомъ вѣкѣ— можно было въ Майнцѣ замѣтить предзнаменованія преслѣдованія евреевъ. Своеобразна была судьба юноши Моисея бенъ-Авраама. Моисей былъ способный юноша, сынъ одного купца, и хотѣлъ сдѣлаться ученымъ. Такъ сидѣлъ онъ однажды лѣтнею ночью надъ старыми книгами нашихъ мудрецовъ и штудировалъ ихъ. Онъ услышалъ вдругъ стоны, раздающіеся въ ночной тиши. Онъ перегнулся чрезъ окно: это было не въ гетто. Кричали снаружи, за стѣнами гетто. Жалобные звуки становились все ужаснѣе. Его сердце объяла печаль, и онъ поднялся и вышелъ. Когда онъ шелъ черезъ комнату, мать его проснулась. „Куда идешь ты, дитя мое, такъ

поздно?“ ...„Мама, я слышу, какъ кто-то взываетъ о помощи!“ И онъ исчезъ во тьмѣ ночной... Онъ не явился обратно, и мать его, объятая ужасомъ, поднялась съ постели и пошла его искать... И она не вернулась обратно... На слѣдующее утро нашли Моисея убитымъ предъ сломанными воротами Гетто, а у трупа сидѣла весело улыбаясь. его мать... Она сошла съ ума... Ну что вы скажите по поводу этой исторіи?

Яковъ. Я скажу то, что я люблю этого Моисея изъ Машина и горжусь имъ. И точно такъ долженъ каждый изъ насъ поступить. Призывъ на помощь можетъ быть иногда и дѣйствительнымъ.

Фрейдгеймеръ. Но мы слишкомъ слабы.

Яковъ. Если сильный великодушенъ, гдѣ же тутъ заслуга? Но слабый—его поступокъ будетъ славнымъ!

Фрейдгеймеръ *(пожимаетъ плечами, вытягиваетъ руки и опускаетъ ихъ снова)*.

5-ая СЦЕНА.

Тѣже, Рейнбергъ.

Рейнбергъ *(входитъ слѣва, подходитъ къ Фрейдгеймеру)*. Я только что узналъ, что вы здѣсь. *(Пожимаетъ ему руку, коротко кивает Якову головой)*. Гдѣ Вассерштейнъ?

Яковъ. Тамъ.

Рейнбергъ *(стучитъ въ стеклянной двери)*.

Яковъ. Мнѣ нужно съ тобой говорить, не Вассерштейну.

Рейнбергъ. Тебѣ?... Позволь мнѣ только его привѣтствовать! *(Открываетъ наполовину дверь, кричитъ въ высшей степени дружески)*. Добрый вечеръ, Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Добрый вечеръ, Рейнбергъ.

Рейнбергъ. Вамъ не нужно ничего отъ меня?

Вассерштейнъ. Ничего, я только телефонировалъ:

Рейнбергъ *(сладкимъ голосомъ)*. Вы сами потрудились!

Яковъ (*сухо*). Иди уже сюда—и запри дверь!

Рейнбергъ (*дѣлаетъ это и выходитъ на авансцену*). Итакъ, что могло мнѣ доставить честь?

Фридгеймеръ (*вполголоса*). Мы должны съ вами переговорить по поводу одного важнаго дѣла.

Рейнбергъ. Мы?.. Оба?..

Яковъ. Да. И я это тебѣ выскажу въ двухъ словахъ. (*Тихо, но настойчиво*). Ты руинировалъ ротмистра Шромма,—ты же долженъ поправить эту бѣду.

Рейнбергъ (*также тихо*). Я его руинировалъ? (*смѣется нервно*). Ты съ ума сошелъ! Онъ самъ себя руинировалъ. (*Оттягиваетъ Якова на нѣсколько шаговъ дальше отъ Фридгеймера, шепчетъ ему на ухо*). И меня онъ также руинировалъ.

Яковъ (*смущенный*). Что?

Рейнбергъ. Я въ отчаянномъ положеніи—это строгій секретъ. Никто не долженъ этого знать (*оглядывается испуганно*) —въ особенности Вассеритейнъ, потому что иначе онъ разскажетъ это завтра на биржѣ..А тогда я погибъ.

Яковъ. Что случилось?

Рейнбергъ. Я притиснутъ. Я заложилъ розамундовскія акціи и не могу достать ихъ для себя. Акціи внезапно исчезли ихъ обращенія. Моя голова теперь въ петлѣ, —и если онъ захочетъ, онъ можетъ ее затянуть.

Яковъ. Онъ? Кто?

Рейнбергъ. Этого я не знаю. Это такъ ужасно: человѣкъ, котораго я не вижу, можетъ сдѣлать со мной все, что онъ хочетъ. Онъ можетъ назначить мнѣ цѣну —по своему желанію. Если бы я зналъ, кто онъ, я пошелъ бы къ нему и предложилъ бы ему полъ состоянія моего. Онъ можетъ также потребовать всего моего состоянія, и я долженъ буду ему его дать—даже послѣдній гвоздь изъ стѣны—и вынужденъ еще буду радоваться, если онъ не заставитъ меня удалиться съ биржи.

Яковъ (*серьезно*). Это наказаніе тебѣ.

Фридгеймеръ (*встаетъ и подходитъ къ Якову*). Ну, нужна вамъ моя помощь или вамъ удалось убѣдить г-на Рейнберга.

Яковъ. Это мнѣ не удалось.

Фридгеймеръ (*Рейнбергу*). Вѣрьте вашему шурину, Онъ просилъ меня притти съ нимъ сюда, потому что вы можетъ быть, придадите нѣкоторое значеніе моимъ словамъ.

Рейнбергъ (*растроенный*). Конечно, конечно.

Фридгеймеръ. Вы, конечно, не дѣйствовали въ ущербъ ротмистру—по биржевымъ понятіямъ. Если бы онъ былъ также дѣловымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ бы права жаловаться. Но вы опытнѣе его по части биржевыхъ операцій. На этой почвѣ выростаетъ ваша обязанность сдѣлать такъ, чтобы онъ не потерпѣлъ убытковъ.

Рейнбергъ. Что вы себѣ думаете? Я не имѣю по отношенію къ нему никакихъ обязанностей. Объ этомъ думаетъ только мой шуринъ, который беретъ Шромма подъ свою защиту,—я не знаю только почему.

Фридгеймеръ. Потому что онъ дѣлаетъ справедливый выводъ, что подобнымъ случаемъ воспользуются для усиленія вражды противъ евреевъ. Это также и мое мнѣніе. Поэтому-то я здѣсь прошу васъ помочь Шромму.

Рейнбергъ. Вы заблуждаетесь, Шроммъ не заслуживаетъ никакой помощи. Онъ поступалъ ужасно глупо и легкомысленно. (*Ударяетъ ногой о полъ*). Почему онъ не держалъ спокойно акціи у себя въ ящикѣ? Почему онъ ихъ заложилъ? Ужъ не говоря о томъ, что мерзкое веденіе дѣла въ его коняхъ было причиной всего несчастья... Получить за эти кони, которыя не стоятъ и двухъ милліоновъ, три милліона—этого онъ хотѣлъ. Теперь, когда онъ изъ-за своего легкомыслія руинировалъ себя и другихъ, теперь онъ жалуется... Спросите Вассерштейна, былъ ли я причиной потери ротмистромъ его денегъ? Это былъ случай, (*глухо*) несчастный случай. (*Стучитъ къ двери, кричитъ*) Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (*за дверью*). Рейнбергъ? (*входитъ*) Что вы хотите?

Рейнбергъ. Вы должны сказать, дѣлалъ ли я какіе-либо биржевые маневры, чтобы руинировать Шромма?

Вассерштейнъ. Что значитъ маневры? Вы продавали, потому что было такое настроеніе на биржѣ. Я, ты, онъ, мы, вы, они—всѣ продавали. Скверный товаръ, обыкновенно, продаютъ. Розамундовскія акціи стали скверными товаромъ—ихъ продавали. Гдѣ же тутъ маневръ? Если ужъ нельзя продавать скверныхъ бумагъ, прекращается все дѣло. Я также продавалъ.

(**Гермина и Шарлота** *снова входятъ чрезъ среднюю дверь*).

Рейнбергъ. Вы уже закончили счеты, Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ. Уже давно. А вы Рейнбергъ?

Рейнбергъ (*непринужденно, но съ усиліемъ пиля собой*). Я также. Конечно!

Вассерштейнъ. Какое намъ дѣло до ротмистра? Развѣ я знаю ротмистра? Развѣ мы знаемъ ротмистра?

6-ая СЦЕНА.

Прежніе. Слуга. потомъ Шроммъ.

Слуга (*входитъ слѣва докладываетъ*). Г-нъ ротмистръ фонъ-Шроммъ.

Рейнбергъ (*быстро*). Меня нѣтъ дома.

Слуга. Онъ уже освѣдомился внизу у портье.

Рейнбергъ. Я не принимаю.

Яковъ (*тихо Рейнбергу*). Ты же не сможешь избѣжать этого разговора на долго... Раньше или позже.

Рейнбергъ (*громко*). Я теперь не въ состояніи. У меня въ головѣ все перепуталось... Говори ты съ нимъ.

Яковъ. Я?

Рейнбергъ. Или кто-нибудь... Дѣлайте, что хотите! Меня здѣсь нѣтъ. (*Уходитъ направо*).

Яковъ (*выпрямляется, говоритъ слугѣ*). Впустите этого господина.

Вассерштейнъ (*удерживаетъ слугу за рукавъ тихо*).

Вы!.. Вы сильный человѣкъ. Если вы услышите громкій разговоръ, приходите сюда—и... (*дѣлаетъ жестъ словно кого-то выводитъ*).

Слуга. Слушаю. (*Уходитъ*).

Вассерштейнъ (*тихо Шарлоттѣ*) Гдѣ звонокъ?

Шарлотта (*указываетъ боязливо*). Тамъ... Къ чему?

Вассерштейнъ (*пожимаетъ плечами*). Нельзя знать?

Гермина. Шарлотта, мы можетъ быть, выйдемъ. (*Направляется на право*).

Шроммъ (*вбѣгаетъ слѣва, съ шляпой на головѣ; останавливается, словно вкопанный, какъ только увидѣвъ дамъ, снимаетъ шляпу и кланяется слегка и сухо*).

Шарлотта (*съ дѣланной улыбкой*). Здравствуйте, господинъ ротмистръ!

Шроммъ (*кланяется снова умѣренно, обращается къ Якову*). Гдѣ господинъ Рейнбергъ?

Шарлотта. Мой мужъ будетъ очень сожалѣть—онъ долженъ былъ, къ сожалѣнію, тотчасъ снова уйти.

Яковъ (*холодно*). Я освѣдомленъ—и дамъ вамъ за него отвѣтъ.

Шроммъ (*смотритъ на него въ упоръ*). Вы?

Шарлотта У васъ дѣловой разговоръ?... Пойдемъ, Гермина, не будемъ мѣшать... До свиданья, господинъ ротмистръ! (*Уходитъ на право съ Герминой*).

7-ая СЦЕНА.

Яковъ, Шроммъ, Фридгеймеръ, Вассерштейнъ.

Шроммъ (*кланяется, какъ прежде, ожидаетъ, пока дамы уходятъ, позже обращается къ Якову*). Вы освѣдомлены—насчетъ обмана?

Яковъ (*спокойно*). Я совѣтую вамъ не употреблять подобныхъ выраженій...

Шроммъ (*насмѣшливо, вызывающе*). Въ противномъ случаѣ?

Яковъ. Я долженъ буду, къ моему сожалѣнію, прекратить этотъ разговоръ,—котораго я самъ желаю. Дѣло должно быть разъяснено.

Шромм ъ. Что тутъ разъяснять?

Яковъ. Во первыхъ, нѣтъ никакого обмана.

Шромм ъ. Это говорите вы!

Вассерштейнъ. Это долженъ сказать каждый человѣкъ.

Шромъ (*мѣряетъ глазами Вассерштейна съ ногъ до головы*). Кто это?

Вассерштейнъ (*вѣжливо*). Мое имя Вассерштейнъ.

Шромм ъ (*оборачивается къ нему спиной, къ Якову*). Я лишенъ всего своего имущества. Вы, конечно, станете меня уговаривать, что это сдѣлано было законно.

Яковъ. Да, я это попробую.

Шромм ъ. Адвокатъ можетъ все!

Яковъ (*овладѣваетъ собою*). Господинъ ротмистръ, останемся спокойными!... Это было роковое стеченіе обстоятельствъ. Рейнбергъ не виновенъ въ продажѣ вашихъ акцій за безцѣнокъ.

Вассерштейнъ. Зачѣмъ вы заложили ваши акціи?

Шромм ъ (*кричитъ на него*). Молчите!

Вассерштейнъ (*оскорбленный*). Пожалуйста! (*отходитъ въ сторону*).

Яковъ. Если бы удержали акціи у себя, вы могли бы переждать панику и паденіе цѣнъ, которые наступили послѣ несчастья въ коняхъ. Теперь эти акціи уже снова стоятъ значительно выше.

Шромм ъ (*смѣется озлобленно*). Ну да, конечно, теперь ударъ доведенъ до конца. Теперь я уже обокраденъ!

Фридгеймеръ (*вполголоса къ Якову*). Только не возбуждайтесь.

Яковъ. Нѣтъ!.. (*Шромму*). Я рѣшилъ разъяснить вамъ все дѣло и выполню свое рѣшеніе. Вы лишились вашего имущества, но виноваты вы въ этомъ сами. Вина ваша была двоякаго рода. Во первыхъ, вы заложили акціи: здѣсь сыграла съ вами злую штку ваша неопытность. Я объ этомъ очень сожалѣю. Это можетъ потвердить господинъ раввинъ Фридгеймеръ.

Шромм ъ. Ахъ, что тамъ, раввинъ!

Яковъ. Что касается второй вины, то она крупнѣе, и здѣсь вы не заслуживаете никакого сожалѣнія.

Шромм ъ. Теперь я даю вамъ возможность говорить.

милостивый государь. Я хочу видѣть, насколько далеко заходитъ ваша смѣлость.

Яковъ. Вплоть до истины! Вторая вина, о которой я говорю, была та, что вы запустили ваши кони... Это мерзкое веденіе дѣлъ...

Шроммъ *(въ себя)*. Что вы позволяете себѣ этимъ сказать?

Яковъ (*воспламеняется*). Это мерзкое веденіе дѣлъ не только погубило ваше имущество и состояніе, но и человѣческія жизни. Въ то время какъ вы жили согласно своимъ наклонностямъ, ваши рабы работали для васъ подъ землей...

Вассерштейнъ (*тихо, воодушевленно къ Фридгеймеру*). Онъ ему задастъ.

Шроммъ (*тяжело дыша*). Ну, дальше!

Яковъ. Да, дальше! Такъ это продолжалось годы, десятилѣтія. И при этомъ ни разу не подумали о безопасности для жизни, пока не случилась катастрофа, которая должна была случиться... И вы осмѣливаетесь жаловаться, потому что подпочвенныя воды смыли также и ваше богатство?.. А что вы сдѣлаете съ трупами? Я видѣлъ эти трупы моими собственными глазами. И этихъ вдовъ я видѣлъ, и сиротъ, которыя теперь должны голодать... А вы даже не были при похоронахъ.

Шроммъ. Но вы были тамъ! Мнѣ это разсказали.

Яковъ. Я былъ тамъ.

Шроммъ. Вы были и во время стачки! Вода собралась, потому, что рабочіе не спускались внизъ. Я не могъ сначала понять, что вы тамъ дѣлаете.—Что дѣлаетъ тамъ этотъ еврей? спрашивалъ я себя.

Яковъ. Еврей исполнялъ обязанности христіанина.

Шроммъ. Этотъ молодецъ, вашъ шуринъ, сказалъ мнѣ, что вы дурень и что онъ съ вами поссорился... Но теперь я это понимаю. Вы съ нимъ были въ заговорѣ!

Яковъ. Это ложь!

Шроммъ. А, жидъ!

Яковъ. Возьмите это слово обратно!

Вассерштейнъ (*вполголоса къ Фридгеймеру*). Я прикажу его вышвырнуть. (*Звонитъ*).

Шроммъ. А если я его не возьму обратно—вы меня извините, какъ тогда...

Слуга (*входитъ*).

Шромммъ. Я знаю васъ! Вы оправдываете нашего шурина—вы просите и за себя извиненія... жидъ!

Яковъ (*которою охватила дрожь уже при словахъ „какъ тогда", бросается на Шромма и даетъ ему пощечину...*

Шромммъ (*пятится, шляпа выпадаетъ изъ его рукъ; съ хриплымъ крикомъ ярости онъ бросается къ Якову, но Фридгеймеръ и Вассерштейнъ становятся быстро посредине; слуга схватываетъ его сзади за обѣ руки и тащитъ его—онъ кричитъ, борется, у него бѣжитъ изо рта слюна—къ двери пинкомъ, куда и выталкиваетъ его. Все происходитъ очень быстро).*

Вассерштейнъ (*поднимаетъ шляпу, выбрасываетъ ее за дверь, затираетъ ее и поворачиваетъ ключъ два раза*). А-а-а это было наслажденіе! А того, что онъ получилъ пощечину, онъ не сможетъ отрицать—мы имѣемъ свидѣтелей! (*Потираетъ руки*).

Яковъ (*стоитъ послѣ даннаго удара безъ движенія; говоритъ дрожа*). Онъ не можетъ отрицать.

Фридгеймеръ (*опустившись на стулъ, про себя, печально*). Словно Моисей изъ Майнца...

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(*Декорація втораго акта. 3 часа пополудни*).

I-ая СЦЕНА.

Ваби, Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ (*входитъ въ сопровожденіи Ваби изъ средней двери*). Господинъ докторъ дома?

Ваби. Онъ сегодня не былъ дома цѣлый день.

Вассерштейнъ. Такъ доложите госпожѣ, что я здѣсь. Моя фамилія—Вассерштейнъ.

Ваби (*смотритъ на него внимательнье*). Господи, я

васъ совсѣмъ не узнала.

Вассерштейнъ (*также присматривается къ ней*). Я васъ также нѣтъ... Я васъ все еще не узнаю.

Ваби. Я была раньше горничной у госпожи фонъ-Гельманъ, когда барышня Гермина еще была дома.

Вассерштейнъ. Клянусь моей душой! Я вспоминаю: вы это были недовѣрчивой комнатной кошечкой, которая не хотѣла подпустить меня близко къ серебру.

Ваби. Вы теперь кажетесь значительно выше, нежели тогда...

Вассерштейнъ. Потому что я выросъ, милое дитя... (*Ударяетъ себя по боковому карману*). Въ особенности тутъ, внутри... (*Вынимаетъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, выискиваетъ пятигульденовый и подаетъ его Ваби*). Возьмите!

Ваби (*держитъ банковой билетъ двумя пальцами, недовѣрчиво*). Должна я что-нибудь принести?

Вассерштейнъ. Нѣтъ я вамъ дарю эти пять гульденовъ.

Ваби (*бросаетъ деньги на столъ*). Такъ идите къ какой-нибудь другой... Я честная дѣвушка!

Вассерштейнъ. Отчего вы такъ вспылили? Это простой подарокъ. Я не требую ничего взамѣнъ — даже не внутренней любви.

Ваби. Это правда?

Вассерштейнъ. Когда мои дѣла были скверными, вы были по отношенію ко мнѣ благородны, предупредительны,—вотъ теперь вознагражденіе.

Ваби. Цѣлую руку! (*Беретъ деньги*).

Вассерштейнъ (*про себя*). Такъ мститъ Эмануэль Вассерштейнъ... (*Къ Ваби*). Доложите о моемъ приходѣ!

Ваби. Я иду уже, господинъ фонъ-Вассерштейнъ. (*Уходитъ на право*).

Вассерштейнъ (*глядитъ ей вслѣдъ*). Ну—развѣ не должно имѣть деньги во что бы то ни стало?

2-ая СЦЕНА.

Вассерштейнъ, Гермина.

Гермина (*входитъ справа*). Господинъ Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Я цѣлую руку, г-жа Самуэль. Вашего мужа нѣтъ дома?

Гермина (*въ раздумьи*). Вы должны ему что-либо сказать?

Вассерштейнъ. Ничего значительнаго—я только хотѣлъ выразить ему мое уваженіе.

Гермина (*наполовину про себя*) Онъ ушелъ—куда? (*Садится*).

Вассерштейнъ. Откуда мнѣ это знать?

Гермина. Я не знаю, но я полна безпокойства.

Вассерштейнъ. Вы всегда таковы, когда онъ уходитъ, г-жа Самуэль? Я могъ бы поклясться, что онъ солидный человѣкъ—никакихъ скачковъ въ сторону.

Гермина. Ахъ, вы шутите... Я не могу освободиться отъ опасеній, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь были оба офицера.

Вассерштейнъ (*садится*). Какіе офицеры?

Гермина. Вчера они приходили... Когда я услышала звонъ сабель въ передней...

Вассерштейнъ. То вы испугались? Ну, да... Чего они хотѣли?

Гермина. Ничего значительнаго. Они оставались только пару минутъ. Жакъ сказалъ мнѣ позже, что дѣло касается одного послѣдственнаго процесса, въ которомъ онъ однажды защищалъ интересы Вурулернера. И, дѣйствительно, они говорили о Вурулернерѣ—онъ и офицеры. Я, собственно, стояла у дверей и прислушивалась—изъ боязни, повѣрьте мнѣ, только изъ-за опасеній.

Вассерштейнъ. Вамъ не нужно извиняться. Прислушиваться—это естественно, если хотятъ что либо узнать.

Гермина. Жакъ назвалъ раза два имя Вурулернера—больше я не слышала; они говорили такъ тихо.

Вассерштейнъ. Они говорили тихо? Ну, слава Богу! Во всемъ этомъ, значитъ, нѣтъ ничего серьезнаго.

Гермина. А Вурулернеръ былъ также сегодня утромъ здѣсь, въ первый разъ послѣ довольно долгаго времени,—и Жакъ ушелъ вмѣстѣ съ нимъ. Они оба прос-

стились со мной, улыбаясь.

Вассерштейнъ (*облегченно*). Ну вотъ, ну вотъ!.. А вы что себѣ вообразили?

Гермина. То, о чемъ и вы также теперь думали, что все это связано со Шромомъ.

Вассерштейнъ. Онъ ужъ остережется надоѣдать вашему мужу. Поцечишу онъ все таки получилъ! Она звенѣла, говорю я вамъ.

Гермина (*вздыхаетъ*). Я не могу надъ этимъ смѣяться.

Вассерштейнъ. Но я! Я разсказывалъ объ этомъ всему міру. На биржѣ это произвело очень хорошее впечатлѣніе.

Гермина. Ахъ, глупости!

Вассерштейнъ. А какъ это меня увлекло, я этого выразить не могу. Если бы вы слышали, какъ онъ наступился за бѣдныхъ рабочихъ! Меня бросало въ жаръ и меня бросало въ холодъ. Я даю, я беру, все вертится вокругъ денегъ. Но есть еще нѣчто другое: есть!

Гермина. Да, онъ говоритъ это часто!

Вассерштейнъ. Я не могу этого такъ выразить. Но это меня взволновало. Я знаю, что я ничтожество,— имѣю ли я деньги, или нѣтъ... Я долженъ быть всѣмъ доволенъ. Но, слава Богу, есть еще и иные евреи... Можетъ быть, если бы я чему нибудь учился и не былъ всегда такимъ униженнымъ человѣкомъ, о котораго всѣ вытирали свои ботинки, — можетъ быть, былъ бы и я инымъ... Вамъ не нужно мнѣ противорѣчить... Каково мое положеніе здѣсь? Я долженъ для себя все покупать за деньги. Я долженъ платить за дружбу, за любовь, платить, чтобы не смотрѣли косо,—словно я постоянно въ гостиницѣ... Если у меня есть деньги, мнѣ въ глаза говорятъ: „господинъ фонъ-Вассерштейнъ“—и осмѣиваютъ меня, какъ только я оборачиваюсь... (*Минорнымъ тономъ*). Я сожалѣю самого себя.

Гермина. Что это съ вами сегодня?

Вассерштейнъ. Внутри меня что-то происходитъ—я не знаю что. Во мнѣ что-то вертится кругомъ—есть здѣсь—я только не могу сказать, что это такое. Мнѣ кажется, будто я ношу на себѣ глыбу свинца и

долженъ еле-еле тащиться, — а кто-то около меня вдругъ начинаетъ летать, словно птица! Я не понимаю, какъ онъ можетъ летѣть—вашъ мужъ,—а я смотрю ему вслѣдъ, я смотрю ему въ слѣдъ...

Гермина. Вы все же хорошій человѣкъ, господинъ Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ. Это смѣшно!

(*Стучатъ*).

3-ая СЦЕНА.

Рейнбергъ (*входитъ изъ средней двери*). Никто не говоритъ: войдите!.. Имѣю честь, господинъ фонъ-Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ (*небрежно*). Здравствуйте, Рейнбергъ!.. И такъ, я теперь откланяюсь.

Рейнбергъ (*схвативъ Гермину за руку, тихо, настойчиво*). Не отпускай его!

Гермина (*тихо*). Почему?

Рейнбергъ (*какъ прежде*). Ты должна мнѣ помочь! (*Громко*) Господинъ фонъ-Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (*останавливается у выхода*). Ну?

Рейнбергъ. Подождите немного меня.

Вассерштейнъ. Къ чему?

Рейнбергъ. Вы могли бы меня подвезти въ вашей каретѣ, которую я видѣлъ внизу.

Вассерштейнъ (*иронически*). Ахъ такъ!.. Но я, вѣдь, уже откланялся.

Гермина (*улыбается*). Вы же можете вернуться.

Вассерштейнъ. И это правда. Я могу это сдѣлать. (*Возвращается, садится слѣва на авансцену.*)

Рейнбергъ. Я сейчасъ буду готовъ, господинъ фонъ-Вассерштейнъ. (*Къ Гермине*). Твоего мужа нѣтъ дома? (*Увлекаетъ ее съ собой на авансцену справа*).

Гермина. Онъ на засѣданіи. (*Снова оживленно*). Онъ долженъ былъ бы быть уже обратно... Чего ты хочешь отъ него?

Рейнбергъ (*шепотомъ*). Ничего. Это только отговорка... Ты должна просить Вассерштейна, чтобы онъ меня пощадилъ! Тебѣ онъ въ этомъ не откажетъ. Онъ

былъ въ тебя влюбленъ по уши. Онъ еще и теперь...

Гермина. Въ чемъ же дѣло?

Рейнбергъ. Онъ можетъ меня загубить. У него акціи Розамундовскихъ копей, за которыя я долженъ платить. Теперь я знаю это. Если онъ захочетъ меня принудить, я погибъ... Проси у него о милости для меня!

Гермина. Хорошо (*Оборачивается налѣво*).

Рейнбергъ (*громко*). Знаешь что, Гермина, я лучше это все напишу Жаку... (*Садится у письменнаго стола*). Ты можешь кое-что забыть. (*Прислушивается, дѣлаетъ видъ, будто пишетъ*).

Гермина (*подходитъ къ Вассерштейну*). Любезный Вассерштейнъ, я имѣю, дипломатическое порученіе къ вамъ.

Вассерштейнъ (*встаетъ*). Такъ? Отъ кого!

Гермина. Отъ Фрица. Онъ раскрылъ мнѣ свое положеніе. Вы можете его погубить.

Вассерштейнъ. Я? Это шутка!

Гермина. Я не понимаю этого ясно. Онъ говоритъ, что онъ къ чему-то принужденъ.

Вассерштейнъ (*догадывается*). Угли? Розамундовскія!

Гермина. Да.

Вассерштейнъ. А я думалъ, что это Шлезингеръ... Такъ это онъ?

Гермина (*просящимъ голосомъ*). Не губите его! Должна я васъ оставить съ нимъ наединѣ?

Вассерштейнъ (*наклоняетъ голову*).

Гермина (*уходитъ налѣво*).

Вассерштейнъ (*идетъ направо, ударяетъ Рейнберга по плечу*). Рейнбергъ, вы оселъ!

Рейнбергъ (*встаетъ, упавши духомъ*). Почему, господинъ фонъ-Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ. Потому что вы допустили себя такъ стѣснить.

Рейнбергъ. Я весь въ вашихъ рукахъ.

Вассерштейнъ. И потому что вы меня опасаетесь, Эмануэля Вассерштейна! Собственно говоря, вы этого заслужили, потому что вы меня часто уязвляли... но... (*Бросивъ взглядъ налѣво*)... Я васъ выпущу!

Рейнбергъ (*схватываетъ обѣ руки Вассерштейна*). Мой благодѣтель!.. Вы благородный человѣкъ!

4-ая СЦЕНА.

Прежніе, Ваби.

Ваби (*вбѣгаетъ*). Господинъ фонъ-Рейнбергъ!

Рейнбергъ. Что вы такъ кричите?

Ваби. Докторъ Вурулеперъ въ передней, и онъ хочетъ съ вами говорить.

Рейнбергъ. Со мной?

Ваби. Онъ сказалъ: если госпожа здѣсь, то онъ не можетъ войти.

Рейнбергъ. Удивительно! (*Спѣшитъ къ двери*).

5-ая СЦЕНА.

Рейнбергъ, Вассерштейнъ, Францъ.

Францъ (*входитъ, оглядывается на всѣ стороны*) Мы одни?

Ваби (*уходитъ*).

Рейнбергъ (*безпокойно*). Что вы принесли намъ?

Францъ. Несчастье. Яковъ дуэлировалъ съ ротмистромъ часъ тому назадъ.

Вассерштейнъ (*падаетъ на кресло*). Боже справедливый!

Рейнбергъ. Онъ раненъ?

Францъ. Пуля въ груди.

Вассерштейнъ (*плачетъ*). Онъ еще живъ?

Францъ. Да... Докторъ Бихлеръ везетъ его сюда въ каретѣ. Конечно, очень медленно... Я поспѣшилъ впередъ сообщить, чтобы подготовили жену... (*Грустно*) Кто-нибудь долженъ поѣхать къ родителямъ. Я не могу этого. Я не могу.

Рейнбергъ. Милый Вассерштейнъ, я прошу васъ!

Вассерштейнъ. Я? Почему это я? Развѣ я изъ желѣза?

Францъ. Я прошу васъ, сдѣлайте это!

Вассерштейнъ (*встаетъ*). Скажите мнѣ только, живъ ли онъ еще!

Францъ. Онъ живъ. Онъ, можетъ быть, будетъ спасенъ.

Вассерштейнъ (*надѣваетъ шляпу, складываетъ руки*). Schma Israel!.. (*Молится бормоча*).

Францъ. Ну, идите уже!

Вассерштейнъ: Я иду уже—печальный путь! (*Уходитъ чрезъ среднюю дверь*).

6-ая СЦЕНА.

Францъ, Рейнбергъ, позже **Гермина**.

Францъ. Мы должны объ этомъ сообщить женѣ, чтобы она потомъ не разстроила его плачемъ.

Рейнбергъ. Раша опасна?

Францъ. Докторъ Бихлеръ только нахмурилъ брови, когда я его объ этомъ спросилъ...

Рейнбергъ. Ему не повредитъ перевозка?

Францъ. Они стрѣлялись въ одномъ манежѣ. Тамъ ему наложили первую повязку. Потомъ онъ хотѣлъ домой, только домой. Бихлеръ долженъ былъ согласиться на это. Возбужденіе было бы для него еще опаснѣе.

Рейнбергъ (*отпираетъ дверь сльва*). Гермина!

Гермина (*входитъ*). Фрицъ?

Францъ (*кланяется молча*).

Гермина (*смотритъ на Франца въ упоръ*). Что случилось?

Рейнбергъ. Милое дитя, ты же благоразумна, ты же знаешь, что въ жизни бываетъ разное...

Гермина (*вскрикиваетъ*). Что случилось?

Францъ. Не пугайтесь, милая г-жа... отчаиваться нѣтъ причинъ!

Гермина (*въ отчаяніи*). Что, что?

Францъ. Нашъ Яковъ...

Гермина (*ищетъ себя*). Какъ? Что, ради Бога?

Францъ. Онъ дрался на дуэли.

Гермина (*рыдаетъ*).

Францъ. Врачъ подаетъ надежду, что это не опасно.

Рейнбергъ. Ты слышишь? Соберись съ духомъ!
Франць. Вы не должны его взволновать.
Гермина. Гдѣ онъ?

7-ая СЦЕНА.

Прежніе, Ваби, потомъ **Бихлеръ, Яковъ, два носильщика.**

Ваби (*вбѣгаетъ*). Санитары несутъ барина!
Рейнбергъ. Тише, тише!
Бихлеръ (*изъ средней двери*). Пусть приготовятъ постель!
Рейнбергъ (*къ Ваби*). Скорѣй, постель!
Ваби (*ломитъ руки, убѣгаетъ направо*).
Яковъ (*съ закрытыми глазами, въ обморокѣ, его вносятъ въ среднюю дверь два носильщика на рукахъ*).
Гермина. Жакъ! (*Хочетъ броситься къ нему*).
Францъ (*удерживаетъ ее на глубинѣ сцены*). Пить!
Бихлеръ. Онъ только въ обморокѣ!.. (*Къ носильщикамъ*) На софу!
Носильщики (*кладутъ осторожно Якова на софу, затѣмъ уходятъ чрезъ среднюю дверь*).
Бихлеръ (*наклоняется надъ Яковомъ, затѣмъ къ Герминѣ*). Платковъ! Воды! Льду!
Рейнбергъ. Я принесу все (*Уходитъ направо*).
Бихлеръ (*поправляетъ повязку на груди Якова*).
Яковъ (*открываетъ глаза, тихо*). Ахъ—вы дѣлаете мнѣ больно... Бихлеръ, благодарю! Гермина!
Гермина (*припадаетъ къ нему*).
Ваби (*входитъ справа, шепчетъ Бихлеру*). Постель приготовлена (*Уходитъ снова направо*).
Бихлеръ. Мы положимъ васъ на постель.
Яковъ (*слабо*). Нѣтъ! здѣсь!.. Гдѣ—Францъ?
Францъ (*стоитъ около него*). Я здѣсь.
Яковъ. Благодарю—Францъ!.. Здѣсь хочу я остаться. Близъ моихъ—книгъ... Знаешь,—что я еще хотѣлъ бы?.. Примиренія!..
Бихлеръ. Не говорите такъ много!
Яковъ (*гладитъ руку Франца*). Добрый—Францъ!.. скажи раввину: какъ Моисей—изъ Майнца!.. (*Бормочетъ*)

У трупа сидѣла, весело бормоча, его мать... (*теряетъ снова сознаніе*).

Рейнбергъ (*входитъ справа съ кувшиномъ воды, тазомъ и полотенцами въ рукахъ; тихо къ Бихлеру*). Ледъ сейчасъ будетъ.

Гермина (*къ Бихлеру, тихо*). Не могу-ли я помочь?

Бихлеръ (*грустно*). Нѣтъ!

8-ая СЦЕНА.

Прежніе, Самуель, г-жа **Самуель, Вассерштейнъ.**

Г-жа Самуель (*разбитая горемъ, бѣдная, но безъ слезъ на глазахъ, входитъ между Самуелемъ и Вассерштейномъ, которые ведутъ ее подъ руки*).

Самуель (*со стономъ*). Гдѣ мой Яковъ?

Францъ (*идетъ ему на встрѣчу*). Онъ въ обморокѣ... Только спокойствіе!

Г-жа Самуель (*смотритъ въ упоръ въ землю*).

Яковъ (*очнувшись*). Скажи объ этомъ раввину!

Францъ (*тихо къ Вассерштейну*). Чего онъ хочетъ отъ раввина?.. Пріобщенія св. Таинъ?

Вассерштейнъ (*качаетъ головой*). Мы умираемъ безъ пріобщенія...

Яковъ (*вовлицаетъ слабо*). Мои родные!

Самуель (*подводитъ г-жу Самуель къ софѣ*). Жизнь моя, Яковъ,—вотъ мы.

Яковъ (*пытается подняться*). Сидѣть!

Вассерштейнъ (*тихо рыдаетъ*).

Рейнбергъ. Успокойтесь, милый другъ!

Вассерштейнъ. Почему онъ—почему не мы?

Бихлеръ (*помогаетъ вмѣстѣ съ Рейнбергомъ сѣсть*).

Яковъ (*схватываетъ руку своей матери, цѣлуетъ ее*). Мама, прости мнѣ, что я причинилъ тебѣ горе... (*Цѣлуетъ руку своего отца*). Ты это поймешь, отецъ! Ты мужчина!.. (*сильнѣе*) Евреи, братья мои! вамъ лишь тогда дадутъ возможность снова жить,—когда вы... Почему вы держите меня—такъ крѣпко?.. (*Бормочетъ*) Я хочу—воинъ!.. (*Весьма громко*) Воинъ—изъ—гетто! (*Взма-*

хиваетъ руками въ воздухъ, падаетъ на спину и умир
етъ).

Г-жа Самуель (*издаетъ ужасный крикъ, падае*
и ударяется головой о полъ).

Бихлеръ (*къ остальнымъ*). Умеръ!

Самуель (*подымается крѣпкимъ голосомъ*). Богъ дал
Богъ и взялъ. Да будетъ благословенно имя Госпо
Бога!

Францъ. Аминь!

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

а 50 к.
хайловъ. А. (Шеллеръ) Эсѳирь. Исто-
ская повѣсть изъ древне-персидской
ни, ц. 1 р. 25 к. -за 75 коп.
рейнесъ, А. Еврейскій вопросъ съ об-
еловѣческой точки зрѣнія.
рдовцевъ, Д. Л. Поѣздка въ Іерусалимъ
5,. 1895 г. Ц. 80 к.
кель, А. Н. „Софо Веруро" т. е. плав-
рѣчь. Руководство къ легчайшему
ненію древне-еврейскаго языка. Вып.
збука и 1-я послѣ азбука книга для
ія. Варшава 97 г. Ц. 80 к.
умовъ, Н. Въ глухомъ мѣстечкѣ, разск.
акарка, эскизъ, Р. Хинъ. Москва 1895.
5 к.
мировичъ-Данченко. Воинствующій Из-
ъ. Недѣля у дагестанскихъ евреевъ.
80 г., ц. 1 р.за 65 к.
жешко, Е. Могучій Самсонъ. Ц. 10 к.-
Изнъ. ДѢЛО ДРЕЙФУСА, Эстергази и
ЛЯ ЗОЛА. Подробное разбирательство
цесса. Съ портретами и снимками бор-
, почерка Дрейфуса и письмами Зола
рейфуса, ц. 40 коп.
осъ, д-ръ. Ребенокъ отъ колыбели до
аго шага. Способы ухода за грудны-
ѣтьми у разныхъ народовъ. Перев.
ѣм. съ 22 рисунк. Спб., ц. 1 р. 50 к.
7 к.
ложенія и новый законъ о видахъ на
ство (паспортовъ), для дворянъ,
иковъ, почетныхъ гражданъ, куп-
ѣщанъ, ремесленниковъ, кресть-
евреевъ. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.
лестина. Сборникъ статей и свѣдѣній
рейскихъ поселеніяхъ въ Св. землѣ.
, ц. 50 к.—за 35 к.
биновичъ, О. А. Полное собраніе сочи-
й, въ 3-хъ том., ц. вм. 5 р.—4 р. 50 к.
анъ, Э. Историческіе и религіозные
ы. Содержаніе: Э. Ренанъ.—Состояніе
около половины перваго вѣка.—По-
ь въ Римѣ.—Еврейская война.—Смерть
она.—Воцареніе Флавіевъ.—Разгромъ
салима. — Послѣдствія истребленія
салима.—Траянъ и великіе императо-
-Конецъ царствованія Траяна и воз-
іе евреевъ.—Ж. Кальвинъ.—Магометъ
оисхожденіе исламизма. 3-е изд., Спб.
руб.
Разореніе Іерусалима. Ц. 50 коп.
30 к.
ковъ, П. По поводу взгляда Салтыкова
Еврейскій вопросъ, ц. 40 к.—за 10 к.
Э. Еврейская философія. Маймонидъ
иноза. Съ 2-мя портретами. ц. 30 к.

Слоущъ, Н. Д. „Песахъ", Очеркъ. Ц. 10 к.
Сборникъ въ пользу начальныхъ евре-
скихъ школъ. Большой томъ въ 540 стр.
сочин. извѣстныхъ писателей: Хвольсо-
на, Фруга, Гаркави и много другихъ.
Ц. 3 руб.
Самойловичъ, Г. О правахъ ремесленни-
ковъ-евреевъ. Спб. 1894 г., ц. 50 к.
Умиссъ, А. Плаваніе по морямъ и океану.
Путешествіе въ Южную Америку и Ар-
гентину, ц. 1 р.за 50 к.
Филипсонъ, Л. „Іерусалимскій плѣнникъ",
Ц. 15 коп.
Швабахеръ. Побѣда идеи человѣчества
надъ понятіемъ національности, ц. 50 к.
за 10 коп.
Штейнбергъ, О. Н. Міръ и жизнь, афориз-
мы изъ всемірной литературы. Ц. 2 р.—
за 1 р. 25 к.
Шахрай, Л. Русское слово еврейскимъ
дѣтямъ. Ц. 60 к.—за 30 к.
Д-ръ Штернбергъ А. Я. Суворинъ А. С. и
Евреи. Кіевъ, 1897 г. Цѣна 10 к.
Шигаринъ. Отецъ Валентинъ. Эпизодъ изъ
движенія противъ евреевъ. Спб. 81 г., ц.
30 к.за 15 к.
Шуръ, Е. А. „Школа и Трудъ" по Тал-
муду, Историко-педагогическій этюдъ,
изложенный въ формѣ литературнаго чте-
нія, 2-е изд., ц. 30 к.
Ямпольскій, П. А. д-ръ (обществен. рав.
винъ). Бѣсѣды о еврействѣ. Произнесено
въ Ростовской на Дону Главной Хораль-
ной синагогѣ. Ц. 1 р.
Ярошевскій, С. О. На пути, романъ. Спб.,
ц. 2 р. за 1 р.
Янтаревой, Р. А. Марраны изъ временъ
испанской инквизиціи, повѣсть. Ц. 75 к.
Яффе. Записки дома Давидова. Ц. 35 к.

Книги на древне-еврейскомъ языкѣ.

Ахіасафъ, еврейскій иллюстрированный
литературно-практическій календарь на
1898 г., ц. 1 р.
Ауербахъ Берт. Эфраимъ Ку, въ 9-ти
выпускахъ, ц. 81 к.
Бернфельдъ д-ръ. Даатъ Элогимъ т. е. Ис-
торія религіозной философіи у евреевъ.
въ 2-хъ част., ц. 95 к.
Браунштейнъ, М. Дивре Гаіомимъ т. е.
Еврейская исторія. Ц. 1 р.
Вероника, романъ изъ эпохи разрушенія
Іерусалимскаго храма. Переводъ Д. Фриш-
мана, въ 9 вып., ц. 1 р. 70 к.

„Книгоиздательская" типографія Я. Х. ШЕРМАНА,

Ришельевская улица, домъ № 28.

Типографія печатаетъ: книги, брошюры, прейсъ-куранты,
орандумы, счеты, плакаты, свадебные билеты и проч.

Заказы исполняются аккуратно и въ срокъ. Цѣны умѣренныя.

„Еврейская Старина.“ (Наша Старина).

Ц. кажд. вып. 15 к., № 16-17, 23 и 27 по 20 к.
№ № 1 и 3 для училищъ по 7 р. сотня.

1. *Маккавеи.* Историческій этюдъ для еврейскаго юношества, изд. 2-е испр. и дополненное, соч. Л. М. Шахрая.
2. *Рабби Акиба*, его жизнь и дѣят., изд. 2-е испр. и доп. Его-же.
3. *Есвирь и Аманъ*, изд. 2-е испр. и дополн. Его-же.
4. *Цвѣтникъ Іудеи.* Первый сборникъ разсказовъ, басенъ, легендъ, притчей, посл. и пр. изъ Талмуда и Мидраша. Его-же.
5. *Разрушеніе Іерусалима.* Соч. С. Пэна.
6. *Рабби Іегуда Ганаси, его жизнь и дѣятельность.* М. Базилевскаго.
7 и 9. *Еврейскія секты.* Л. М. Шахрая.
8. *Іегуда Галева, его жизнь и дѣятельность.* М. Базилевскаго.
10. *Рабби Меиръ*, его жизнь и дѣятельность. М. Базилевскаго.
11. *Донъ Исаакъ Абрабанель*, его жизнь и дѣятельность. Его-же.
12. *Донъ Іосифъ Наси (Герцогъ Наксосскій)*, его жизнь и дѣятельность. Его-же.
13. *Рабби Іохацанъ-бенъ-Заккай.* Я. Л. Чертока.
14. *Іосифъ-Соломонъ Дельмедиго изъ Кандіи*, его жизнь и дѣятельность, (съ потретомъ), соч. М. Базилевскаго.
15. *Эксилархъ Бостинаи.* Этюдъ изъ временъ Гаоновъ. Его-же.
16.17. *Іосифъ Флавій*, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. В. Дубнова. Цѣна 20 коп.
18. *М. Маймонидъ*, его жизнь и дѣятельность. С. Пэна.
19. *Рабби Соломонъ бенъ-Исаакъ, называемый Раши*, его жизнь и литературная дѣятельность. М. Базилевскаго.
20. *М. Мендельсонъ*, его жизнь и дѣятельность. Л. Шахрая.
21. *Инквизиція и евреи въ Испаніи* въ XV вѣкѣ. Соч. Діонео.
22. *Ибнъ Габироль и Ибнъ Пакуда.* М. Базилевскаго.
23. *Начало поселенія и эмансипаціи евреевъ въ Англіи.* М. Давидсона, съ портрет. Менасе-бенъ-Израиля и Кромвеля.
24. *Саадіа Гаонъ*, его жизнь и общественно—научная дѣятельность. Его-же.
25. *Гилель Бавил.*, его жизнь и дѣятельность. А. С. Варшавскаго.
26. *Баръ-Кохба.* Историческій этюдъ. М. Базилевскаго.
27. *Интриги двора Ирода*, соч. Я. Л. Чертока.
28. *Самуилъ Ганагидъ.* Біографическій очеркъ. Н. Доскача.

Замѣчательный мальчикъ. Разск. для дѣтей. Бысько. Ц. 5 к.
Христіанинъ и еврей. Ц. 8 к. Его-же.
Разрушеніе перваго Іерусалимскаго храма. Ц. 10 к. Н. Доскача.
Еврейскія народныя сказки, записанныя С. Х. Бейлинымъ, 2 вып. ц. 30 к.
Папа-Эльхананъ. Старинное преданіе. К. Таубера, ц. 10 к.

Еврейское государство Д-ра Т. Герцля. Пер. Бенъ—Зевъ. Съ прибавл. его Лондонской рѣчи въ Маккавейскомъ обществѣ, съ портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 40 к. Въ изящн. переплетѣ—1 руб.

Первый всемірный конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Сост. С. Пэнъ. Съ приложеніемъ портретовъ: Д-ра Т. Герцля и Макса Нордау. Изд. 2-е. Ц. 30 коп.

Пробужденіе еврейской націи Ф. Гемана, профессора Базельскаго университета, цѣна 40 коп.

Объ антисемитизмѣ Леруа Болье, ц. 80 к.

Сіонизмъ и его противники Макса Нордау съ его портретомъ, ц. 15 к.

„Новое Гетто“ Теодора Герцля, съ портретомъ Нордау и Т. Герцля, ц. 45 к.

„Исторія Израиля“ для еврейскаго юношества. Сост. учит. Л. Шахрай.
Вып. I. Отъ сотворенія міра до періода судей. ц. 30 к.
Вып. II. Отъ періода судей до раздѣленія царства, ц. 25 коп.
Вып. III. Отъ раздѣленія царства до Македонск. владыч., ц. 20 к.
Вып. IV. Отъ Македонскаго владыч. до нашего времени. Ц. 60 к. *Изд. автора.*
Од. Уч. Ком. М. Н. П.

Праздникъ Шевуотъ. Его-же, ц. 10 к.

Кинотъ летиша беавъ. Элегіи и молитвы, питируемыя въ 9-й день Ава о разрушеніи Іерусалимскаго храма и еврейскаго государства. Пер. П. Диккера, ц. 60 к. Въ изящн. переплетѣ—1 р.

Еврейская философія соч. Эм. Сессе. Маймонидъ и Спиноза съ ихъ портретами. Цѣна 30 коп.

Пэнъ. Русско-еврейскія земледѣльческія колоніи въ Палестинѣ, Америкѣ и Аргентинѣ съ видами колоній. Одесса 92 г., ц. вм. 40 к.—15 к.

Гибшъ. Изъ Талмуда и Мидраша. Очерки, легенды, разсказы и изреченія. Одесса 89 г., ц. 65 коп. съ перес.

Богровъ. Записки еврея, ц. 3 р. Еврейскій Манускриптъ, ц. 1 р. 50 к. Въ изящныхъ переплетахъ на 75 к. дороже.

Портретъ Ковенскаго раввина **„Ицхокъ-Элхононъ Спекторъ“**, олеографія исполнен. въ Берлинѣ въ нѣсколькихъ краскахъ, вел. 52—38 сант. Цѣна съ пересылкою 50 коп.

При магазинѣ складъ всѣхъ изданій книгоиздательства „АХІАСАФА“.

2007237581